ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ТОМ XIII

МАТЕРИАЛЫ
Межвузовской научной конференции
студентов и молодых ученых
«ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ СЕРЬЕЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
(К 230-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)»
(Санкт-Петербург, 12 апреля 2019 г.)

Санкт-Петербург, 2020

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург

ТРУДЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ТОМ XIII

МАТЕРИАЛЫ
Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых
«ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СЕРЬЕЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ (К 230-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)»
(Санкт-Петербург, 12 апреля 2019 г.)

Скифия-принт
Санкт-Петербург
2020

ББК 67.412.1:67.404.2
Т78

Т78 **Труды юридического факультета. Т. XIII:** Материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых «Проблемы государственного и правового развития в условиях серьезных политических изменений (к 230-летию Великой французской революции)» / Ред.: А.В. Закревский, Р.Ю. Почекаев, Н.Б. Срединская. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 122 с.

ISBN 978-5-98620-418-5

Сборник включает в себя материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых «Проблемы государственного и правового развития в условиях серьезных политических изменений», посвященной 230-летию Великой французской революции, которая прошла на Юридическом факультете НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург 12 апреля 2019 г.

ББК 67.412.1:67.404.2
Т78

ISBN 978-5-98620-418-5

© Авторы публикаций, 2020
© НИУ ВШЭ, 2020
© Скифия-принт, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Проблемы государственного и правового развития зарубежных стран: история и современность 5

Трифонов А.Г. Формирование института королевской власти в Вестготском государстве в период перехода из Тулузы в Толедо 5

Свиридова А.А. Развитие правового регулирования культурной и социально-экономической сферы в период Великой французской революции 1789–1799 гг. 13

Никифоров И.А. Судебное правотворчество во Франции XIX в. 19

Лемехов С.В. Эволюция брачно-семейного права на примере условий вступления в брак, сформулированных в кодексе Наполеона и Германском гражданском уложении 27

Москалев Г.А. Проблемы создания новой государственности в западной Германии в послевоенные годы 34

Лысова М.В., Матисон С.С. Конституция Польши 1791 года: дискуссионные аспекты и традиции европейского конституционализма 40

Балашов В.Д. Влияние «Культурной революции» (1966–1969 гг.) на правовую систему Китайской Народной Республики 45

Богданов Н.Е., Сафронов А.С. Революционное значение Мэйдзи Исин в истории Японии 52

Горбатова Е.А. Трансформация правовой системы США в результате освободительной войны 1775–1783 гг. английских колонистов против метрополии 58

Часть II. Проблемы государственного и правового развития России: история и современность 63

Махмутова М.В. Суфражистки в России: как элитарное движение привело к всеобщему избирательному праву 63

Сковинская Е. Политико-правовое положение мусульман в Российской империи 1900–1917 гг. 72

Абрамовская М. С. Реализация права на свободу совести в первые годы Советской власти: идеология и Конституция РСФСР 1918 г. 88

Резчикова Е.В. Влияние Октябрьской революции на развитие авторского права и издательского дела 93
Сорокина З.А. Анализ института юридического лица через призму мировых революций 99
Лещенко А.С. Проблема универсальности прав человека 106

Научные исследования студентов Юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург 110
Арестова К.А. Обонятельный товарный знак: доктрина vs. судебная практика 110

Сведения об авторах 120

ЧАСТЬ I
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Г. Трифонов

Формирование института королевской власти в Вестготском государстве в период перехода из Тулузы в Толедо

В начале 322 г. н.э. вестготы получили статус федератов Римской Империи, но их мирное сожительство с римлянами длилось недолго. В 378 г. состоялась битва при Адрианополе, в которой римляне потерпели поражение, а с 394 г. начался переход племени с Востока на Запад Империи, в ходе которого был осаждён Рим[1]. В 418 г. на территории римской провинции Аквитания II возникло Тулузское королевство вестготов[2]. Всё время до этого вестготы выбирали вождей, которые играли роль военных лидеров, с 418 г. вестготами стала править династия, которая происходила от вождя Аларихa I, который и руководил переходом вестготов с Востока на Запад[3]. Римская культура и право активно перенимались вестготами на протяжении IV–V вв. Поэтому наиболее вероятно, что вестготы сохраняли статус федератов до 476 г. Тому доказательством является Кодекс Эйрика, первый законодательный акт вестготов, изданный в 476 г. и по своей форме представлявший эдикт префекта претория[4]. Именно с изданием этого акта и с распадом Западной Римской Империи в вестготском государстве возникает необходимость создания института королевской власти. Правящая племенем с 418 г. династия Балтов видится династией военных предводителей племени, но на территории Аквитании и Испании в V в. всего 2–6% населения составляли вестготы, большая же часть населения Пиренейского полуострова относила себя к римлянам[5]. Испано-римлянам, лишившимся императора,

[1] *Клауде Д.* История вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб., 2002. С. 26.

[2] Там же. С. 40.

[3] Там же. С. 39.

[4] *Медведев С.В.* Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1(39). С. 243.

[5] *Кофанов Л.Л.* Римское право в Испании до введения Lex Wisighotorum // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4. № 1. С. 66.

нужен был новый правитель, и вождь вестготов отлично подходил на эту роль, но смысл и содержание этой роли только начинали создаваться.

Сын Эйрика Аларих II издал законодательный акт, который по своей форме являлся сокращением кодекса Феодосия и получил название Бревиарий Алариха. В отличии от кодекса Эйрика, Бревиарий Алариха преодолел национальный характер, став законом для испано-римлян и готов[1]. Обусловлено это тем, что вестготы к тому времени успешно пользовались римским правом, а испано-римляне считали последним римским законодателем испанца по происхождению императора Феодосия II. Так Бревиарий Алариха стал документом, сокращающим различия статусов вестготов и испано-римлян, что было важно для распространения власти Алариха II на население Испании. К несчастью, законодательные успехи не спасли его от военных неудач. В 507 г. в битве при Вуйе Аларих II погибает, не оставив законного наследника[2], а по сведениям Сарагосской хроники, Тулузское королевство было разрушено[3]. Начался переход из Тулузы в Толедо — критический период для государственности вестготов.

После страшного поражения в битве при Вуйе и гибели правителя вестготам необходим был новый лидер, однако Аларих II не оставил наследника, который смог бы его заменить, законному сыну короля было меньше пятнадцати лет, по вестготским традициям он не мог стать правителем. В условиях внешней угрозы государству и внутреннего кризиса власти племя вспоминает о старой традиции избрания королей. Так во время войны с франками был избран королём Гезалех — незаконный сын Алариха II[4]. Стоит отметить, что данная традиция была неактуальной в V в., правящая династия Балтов вела свою историю от великого предводителя вестготов Алариха I и прибегать к избранию новых королей не было нужды. Таким образом, данная традиция уже не имела того легитимизирующего смысла как в IV в. н.э. и не была закреплена законодательно. Для испано-римлян, незнакомых с вестготским обычным правом, она ничего не значила, и стала

[1] Там же. С. 75.

[2] *Клауде Д*. История вестготов. С. 78.

[3] Chronicorum Caesaraugustanorum reliquiae a. CCCCL–DLXVIII. MGH. AA. Bd. 11. Berlin, 1894. Пер. с лат., коммент. Д. Суровенкова для сайта «Восточная литература»: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Caesaravgusta/text.phtml?id=6898.

[4] *Клауде Д*. История вестготов. С. 77.

значить гораздо меньше для вестготской элиты, которая с 418 г. стремилась быть равной римлянам[1]. Король Гезалех был убит заговорщиками, а власть над вестготами узурпировал остготский король Теодорих Великий[2]. Теодорих правил вестготами пятнадцать лет, причём несколько лет в обход законного наследника Аларихa II. Последний тоже придёт к власти, но править будет недолго и тоже будет убит заговорщиками[3].

Первый серьёзный шаг на пути укрепления института королевской власти в VI в. н.э. сделает король Теудис, остгот по происхождению. Теудис имел большую поддержку войска и был избран на престол. Он столкнулся с проблемой потери сакральности власти: избрание не стало равносильной заменой принадлежности дому Балтов. Для разрешения этой проблемы Теудис принимает к своему готскому имени римское имя императорского рода — Флавий[4]. Фиктивное родство с gens Flavia стало символом силы королевской власти. Для того времени символы были очень значимы, достаточно вспомнить историю Плутарха о неосторожном касании головы Тиберия Гракха: толпа решила, что этим Тиберий показывает диадему, и растерзала его[5]. Поэтому принятие имени Флавий стало сильным символом укрепления власти и задало тенденцию преобразования роли вождя и военного лидера вестготов в императора своей страны. Таким образом, фиктивное родство с gens Flavia стало верной и необходимой мерой для вестготского престола, но недостаточной: Теудис пал жертвой заговора. Во время правления преемника Теудиса короля Агилы разгорелось восстание Атанагильда. Агила не пользовался особой популярностью ни в войске, ни среди элит, усугубляли его положение и военные неудачи в борьбе с Кордовой, но, несмотря на это, восстание под предводительством Атанагильда потерпело поражение. Выход был найден — Атанагильд обратился к императору Юстиниану за помощью в борьбе с Агилой[6]. В 551 г. Византийские войска высадились на территории Испании, но незадолго до

---

[1] *Коньков Д.С.* Трансформация социальных связей в Аквитании в ходе формирования вестготского королевства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54). С. 76–80.

[2] *Клауде Д.* История вестготов. С. 79.

[3] Там же. С. 80.

[4] Там же. С. 78.

[5] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1994. С. 306–307.

[6] *Клауде Д.* История вестготов. С. 83.

этого Агилу убили приближённые, а Атанагильд стал королём вестготов и встретил византийцев как врагов, а не как союзников. Так начался период Византийской Испании. При этом продолжатель римских традиций византийский Император Юстиниан не находил поддержки на Пиренейском полуострове среди испано-римлян. Казалось бы, он должен быть ближе испанцам, чем вестготский вождь, но византийцы были для испано-римлян не римлянами, а греками, кроме того, законодательная политика Юстиниана также не вызывала их поддержки, последним римским законодателем считался Феодосий II[1]. Стоит также отметить, что к тому времени вестготы, прожившие больше века в их обществе, были испанцам гораздо ближе. При этом византийский император стал для будущих вестготских королей примером для подражания. Также стоит отметить, что Атанагильд не был избран, поэтому ему пришлось совершить «акт народного принятия»[2]. Таким образом, над и без того сломленным государством вестготов нависла ещё более опасная угроза в лице византийских войск, кроме того, восстание создало ещё одну легитимизирующую традицию в виде «акта народного принятия», что, по моему мнению, могло запутать процесс легитимизации королей.

Атанагильд стал первым королём вестготов VI в., умершим своей смертью. Его преемником стал Леовигильд. О нём Исидор Севильский пишет: Леовигильд «первым сел на трон в королевских одеяниях; ибо прежде правители носили те же одежды и сидели на тех же сидениях, что и остальной народ»[3]. А также он строил новые города и первым начал чеканить золотые монеты со своим изображением, прибавляя римскую титулатуру «pius» и «felix». И, кроме того, Леовигильд перенёс столицу государства в Толедо, до него короли властвовали в своих резиденциях, а Тулуза была захвачена франками. Фактически переход из Тулузы в Толедо закончился с установлением новой столицы, но кризис власти продолжался ещё довольно долго. Леовигильд стал первым королём, который своими поступками стал напоминать императора, при его правлении тенденция империализации

[1] *Кофанов Л.Л.* Римское право в Испании до введения Lex Wisighotorum. С. 74.

[2] *Клауде Д.* История вестготов. С. 89.

[3] Средневековая латинская литература IV–IX вв. / Пер. Т. А. Миллер; С. Железнова. М., 1970. Электронная версия с сайта «Восточная литература»: http://vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm. (дата обращения 23. 03. 2019).

королевской власти в вестготском государстве приходит к своему апогею. Представляется, что лишь одной детали не хватало Леовигильду, чтобы стать равным византийскому императору: признания церкви. Получению этого признания препятствовала конфессиональная раздробленность вестготов и испано-римлян, которая не создавала трудностей ранее. Вестготы были приверженцами арианской церкви, тогда как испано-римляне и византийцы были ортодоксами. Восстание старшего сына короля Херменегильда показало опасность такого положения дел в сложившихся условиях. Расправа с восставшими могла бы стать причиной конфессиональной войны на Пиренейском полуострове, хотя мятеж и не получил ожидаемо высокой поддержки населения [1] . Очевидно, что необходимо было преодолеть разногласие в вере, но король выбрал путь объединения на основе арианства, который, как видится, оказался неверным: ортодоксов было гораздо больше, а арианство было осуждено задолго до VI в. на Никейском соборе. Таким образом, став последним арианским правителем вестготов, Леовигильд оставляет решение проблемы конфессиональной раздробленности своему сыну Реккареду.

Король Реккаред принял единственно верное решение: объединить народы Испании на основе ортодоксальной веры. В 589 г. на Третьем Толедском соборе произошло объединение конфессий. Это знаковое событие принесло Реккареду статус равноапостольного короля, а в актах собора ему были присвоены статусы «священнейшего правителя» и «orthodoxus rex»[2]. Такого уровня признания не получал ни один вестготский правитель до Реккареда, но всё же видится, что эти статусы стали достижением личности Реккареда, а не института королевской власти, потому что его сына Лиуву II свергли заговорщики всего лишь за год правления. Безусловно, значимость приобретения королём статуса «священнейшего правителя» — это большое событие в истории вестготов, но куда более значимым для истории государства и права вестготов стало то, что решения Толедских соборов получили статус королевского права и стали обязательными наравне с законами государства.

[1] *Клауде Д*. История вестготов. С. 95.

[2] Там же. С. 102.

Представляется, что власть короля, его статус и особое положение не могут быть закреплены одними лишь заимствованными символами или поступками, схожими с императорскими. Статусу короля необходимо было правовое закрепление, но римская правовая традиция не предусматривала норм, защищающих королевскую власть, личность короля, его положение и семью, также не предусматривало римское право и возможность монарха лично принимать подобного рода нормы. Ответственность за создания подобного рода норм мог взять только орган власть, имеющий большие полномочия и значительное влияние в обществе. Именно поэтому Толедские соборы стали играть ключевую роль в формировании государственности и института королевской власти в Толедском королевстве. С конца VI и до середины VII в. Толедские соборы являлись постоянным представительным органом власти: собранием знати и духовенства, что по сути своей равносильно собранию юридической интеллигенции. В этот период времени были разработаны и закреплены решениями соборов нормы, регулирующие процедуру вступления короля на престол, защищающие жизнь и здоровье короля и его семьи, честь и достоинство, а также осуждающие захват власти путём заговоров и восстаний [1]. Но в то же время, создавая нормы, защищающие короля, Толедские соборы разработали и некоторые ограничения королевской власти, с которыми невозможно было не считаться новому правителю. В процедурах вступления на престол находят своё отражение такие старые традиции как выборы короля знатью, войском и духовенством, и акт народного принятия. Это явно видно из описания идеального правителя архиепископом Юлианом Толедским во второй половине VII в.[2]. Образ, описанный архиепископом, на самом деле видится лишь требованием главы церкви к главе государства соблюдать закон, ведь в Lex Visighotorum, принятом в 654 г. на XIII Толедском соборе, есть титулы «О

[1] *Ауров О.В.* «Не прикасайтесь к помазанным моим…» (Пс 105.15): Статус королевской власти в постановлениях Толедских соборов VI–VII веков // Сборник трудов XXIII Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. Зимняя сессия (20–21 и 26 января 2013 г.). М., 2013. С. 255.

[2] *Никольский И.М*. Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (По данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 2 (45). С. 48.

законодателе»[1] и «О законе»[2](ссылка на след.стр.), на которые и опирается, по-видимому, Юлиан Толедский при описании положительного образа короля Вамбы. Эти нормы ограничивают власть короля. Так в главе первой, титуле первом, пункте втором сказано: «При составлении законов законодатель должен руководствоваться не отвлеченными рассуждениями, а правом; не стремлением вложить в закон то, что кажется ему подходящим, а порядком»[3]. Таким образом, представляется, что особая роль Толедских соборов заключалась не только в легитимизации королевской власти, но ещё и в её конституционном ограничении. Также стоит отметить, что кризис королевской власти и окончательное укрепление института королевской власти происходит во время правления короля Хиндасвинта. После изгнания византийцев королём Свинтилой, который был свергнут в 631 г., но остался жив, в 642 г. к власти приходит Хиндасвинт, соблюдая при этом все условия и процедуры, выдвинутые Толедскими соборами и заручившись сильной поддержкой войска. Я считаю, что окончательное оформление правового статуса короля вестготов произошло при Хиндасвинте, так как Толедские соборы именно в этот период времени завершили формирование правовых оснований королевской власти и процедуры вступления на престол. Воспользовавшись ими, Хиндасвинт стал первым правителем, который смог побороть заговоры аристократов. Франкский хронист Фредегар пишет о нём так: «Хиндасвинт сделал так, что готы никогда больше не отваживались устроить против него какой-либо заговор, наподобие тех, которые они составляли при его предшественниках»[4].

Подведем итоги. По моему мнению, ключевую роль в формировании института королевской власти в вестготском государстве сыграли созданные Толедскими соборами нормы права. Следует отметить, что формирование института королевской власти в вестготском государстве пошло по пути сближения статуса короля со статусом римского императора, но несмотря на

[1] «Вестготская правда» («Книга приговоров»): причины, источники и основные этапы истории кодификации / Общ. ред. О.В. Аурова, А.В. Марея // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 485.

[2] Там же. С. 491.

[3] Там же. С. 487.

[4] The fourth book of the Chronicle of Fredegar. Greenwood Press, 1981. Пер. с англ. Д.Н. Ракова для сайта «Восточная литература»: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frametext.htm (дата обращения 03. 05. 2019).

это, для окончательного укрепления этого института были созданы уникальные для того времени нормы, игравшие, по моему мнению, конституционную роль в вестготском государстве. Это были первые такого рода нормы в Западной Европе, которые определили «симфонию» королевской власти и церкви в вестготском государстве[1]. Поэтому абсолютно точно можно сказать, что право вестготов сыграло значимую роль в развитии правовой культуры Западной Европы, ведь нормы, требующие от короля подчинения законам[2] и ограничивающие королевскую власть, существовали в 654 году н. э., задолго до Великой Хартии Вольностей.

Источники и литература

Ауров О.В. «Не прикасайтесь к помазанным моим…» (Пс 105.15): Статус королевской власти в постановлениях Толедских соборов VI–VII веков // Сборник трудов XXIII Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. Зимняя сессия (20–21 и 26 января 2013 г.) М., 2013.

«Вестготская правда» («Книга приговоров»): причины, источники и основные этапы истории кодификации / Общ. ред. О.В. Аурова, А.В. Марея // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012.

Клауде Д. История вестготов / Пер. с нем. С.В. Иванова. СПб., 2002.

Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до введения Lex Wisighotorum // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4. № 1.

Коньков Д.С. Трансформация социальных связей в Аквитании в ходе формирования вестготского королевства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54).

Медведев С.В. Первый национальный кодекс вестготов (Испания) // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1(39).

Никольский И.М. Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (По данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 2 (45).

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1994.

Средневековая латинская литература IV–IX вв. / Пер. Т. А. Миллер; С. Железнова. М., 1970. Электронная версия с сайта «Восточная литература»: http://vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.htm. (дата обращения 23. 03. 2019).

Сямтомов И.В. Понятие «gens» и королевская власть в системе вестготского права (IV–VIII вв.) // Vox medii aevi. 2015. № 3 (13).

[1] *Сямтомов И.В.* Понятие «gens» и королевская власть в системе вестготского права (IV–VIII вв.) // Vox medii aevi. 2015. № 3 (13). С. 101.

[2] Вестготская правда». С. 498.

Chronicorum Caesaraugustanorum reliquiae a. CCCCL–DLXVIII. MGH. AA. Bd. 11. Berlin, 1894. Пер. с лат., коммент. Д. Суровенкова для сайта «Восточная литература»: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Caesaravgusta/text.phtml?id =6898.

The fourth book of the Chronicle of Fredegar. Greenwood Press, 1981. Пер. с англ. Д.Н.Ракова для сайта «Восточная литература»: http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fredegar/frametext.htm (дата обращения 03. 05. 2019).

А.А. Свиридова

Развитие культурной и социально-экономической отраслей права в период Великой французской революции 1789-1799 гг.

К концу XVIII в. феодальный строй во Франции стал тормозом экономического развития страны, назрело понимание необходимости глубоких перемен. Самой влиятельной политической силой антифеодального движения в то время была буржуазия: банкиры, собственники мануфактур, купцы и предприниматели. Благодаря поддержке буржуазии, в стране получили широкую известность труды идеологов просвещения, в которых подвергалось критике феодальное мировоззрение, произвол абсолютной монархии, сословные привилегии, средневековое суеверие и мракобесие[1]. Реакционной идеологии просветители противопоставляли новое политическое мировоззрение. Они доказывали необходимость серьезных государственных правовых преобразований на демократической основе[2].

В 1788 г. Францию поразил глубокий экономический кризис. Начались народные волнения. В этих условиях правительство вынуждено было созвать Генеральные штаты, которые не собирались более 150 лет.

Депутаты от третьего сословия не согласились со старым порядком голосования, когда дворянство, духовенство и третье сословие имели по одному голосу и в июне 1789–1790 гг. объявили себя Национальным собранием. А спустя месяц — Учредительным собранием, заявляя этим о своем праве отменять старые и принимать новые законы, выступая от имени

[1] *Любимов Н.А*. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1789–1790). М., 1893. С. 41.

[2] *Сальников В.П.* История государства и права России и зарубежных стран. М., 2006. С. 161.

французского народа. С этого момента началась Великая французская буржуазная революция.

Путем долгих споров, длившихся с 4 по 11 августа 1789 г., Национальное собрание решило отменить повинности и поборы, которые были связаны с личной зависимостью, феодальные права, церковную десятину, и объявило равенство всех перед законом в уплате государственных налогов, объявив этим, что оно полностью уничтожает феодальный режим. Но все же основной вопрос для крестьян о земле еще не получил решения[1]. Затем Собрание решило снова вернуться к конституционным вопросам. 26 августа 1789 г. была принята Декларация прав человека и гражданина — это был программный документ, провозглашающий основные принципы нового общества, созданного революцией. Принятая Декларация должна была дать точные и законченные определения, «естественных, священных и неотчуждаемых прав» человека и гражданина.

Особые статьи 7–12 обеспечивали личную неприкосновенность, судебные гарантии личности, свободу совести и мысли, свободу слова и печати. Таким же «священным» и нерушимым правом было провозглашено и право собственности, однако тем самым Декларация раскрывала содержание и цель буржуазной революции: установление классового угнетения и эксплуатации буржуазией трудящегося народа[2].

Закрепив высокие позиции за крупной буржуазией, в 1790 г. Учредительное собрание уничтожило старое деление на сословия. Оно старалось лишить дворянство юридических преимуществ и обеспечить для всех граждан формальное равенство.

15 января 1790 г. Собрание установило новое административное устройство государства, которое стало обеспечивать национальное единство королевства и его административное единообразие. Это делалось для устранения преград по развитию обмена и хозяйственной инициативы предпринимателей, создания благоприятных условий развития промышленности и торговли.

Уже 2 ноября 1790 г. с целью преодоления финансовых трудностей и большого государственного долга страны Учредительное собрание

[1] *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 206.

[2] *Катаев Н.А., Мухаметшин Ф.Б.* История государства и права зарубежных стран. М., 2006. С. 310.

национализировало церковное имущество, а следом провело ряд церковных преобразований: часть функций, которые выполняла церковь (регистрация браков, рождений и смертей) передавалась в ведение государства; католическая церковь стала зависимой от государства и вышла из-под влияния римского папы; изменился порядок выбора епископа и священнослужителей[1].

Декретами февраля и июня 1790 г. Собрание подтвердило обязательность уплаты по «реальным правам» и предоставило местным властям вводить «военное положение» при первом скоплении крестьян. Оно также возложило на общины обязанность возмещать большую часть убытков, принесенных ее собственниками. Но в то же время Учредительное собрание подтвердило законность «реальных прав» помещика и установило очень сложный, невыгодный для крестьян порядок выкупа повинностей.

Вся эта политика вызывала недовольство крестьян и толкала их на выступления против помещиков. Вследствие этого Собрание пустило церковные земли на продажу, разделив их на мелкие участки и установив рассрочку платежа до 12 лет. Однако позже участки стали продаваться целыми угодьями, а сроки рассрочки сокращаться. Цены на землю устанавливались довольно высокие, поэтому большая часть пущенных в продажу земель была приобретена городской буржуазией.

В области торгового и промышленного законодательства Учредительное собрание, отстаивая экономические интересы буржуазии, отменило все прежние ограничения, которые препятствовали свободе торговой и промышленной деятельности. В феврале 1791 г. Собрание издало декрет об упразднении цехов и их привилегий, а еще ранее отменило правительственную регламентацию в промышленном производстве[2].

С весны 1790 г. рабочие ряда профессий в Париже и в других городах начали стачечную борьбу за повышение заработной платы и сокращение продолжительности рабочего дня. Буржуазия была встревожена этими движениями; работодатели увидели в рабочих преграду своему стремлению к их безграничной эксплуатации.

---

[1] *Манфред А.З.* История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 15.

[2] *Сальников В. П.* История государства и права… С. 179.

14 июня 1791 г. по предложению депутата Ле Шапелье Учредительным собранием был принят декрет, воспрещавший объединение рабочих в союзы и запрещавший стачки, а также устанавливающий суровое наказание за нарушение этого декрета[1].

В сентябре 1791 г. приобрела законную силу Конституция, разработанная Учредительным собранием. В соответствии с ней евреи и протестанты уравнивались в правах с другими гражданами, но существовавшее во французских колониях рабство сохранялось.

Вместо равенства людей и граждан в правах, которые провозгласила Декларация, Конституция узаконивала имущественное неравенство между людьми, устанавливала политическое неравенство между гражданами, предоставляя всю полноту политических прав имущим и отказывая в них неимущим.

Экономическое состояние Франции к концу 1791 — началу 1792 гг. ухудшилось. Эмиграция придворной знати и высшего духовенства весьма существенно понизила спрос на производство предметов роскоши, занимавшее значительное место во французской промышленности. Сотни мелких предприятий, занятых этим производством, закрылись, рабочие оказались выброшенными на улицу. Сократились также строительные работы. Увеличившийся выпуск ассигнатов привел к начавшемуся обесцениванию бумажных денег. Ближайшим последствием этого обесценивания был рост дороговизны, прежде всего на предметы потребления[2].

Созданное в 1791 г. Законодательное собрание 11 июля 1792 г. приняло декрет, объявивший отечество в опасности. Огромный патриотический подъем охватил всю страну. В Париж вступали отряды федератов из провинций, марсельцы пришли с новой «Песней Рейнской армии» — гениальным воплощением народного гнева и отваги; созданная в часы народного воодушевления Руже де Лилем в Страсбурге, она была занесена на юг, прошла с марсельскими батальонами через страну в Париж и через несколько месяцев под именем «Марсельезы» стала боевой песней революционного народа, поднявшегося на защиту своей родины.

---

[1] *Манфред А.З.* История Франции. С. 35.

[2] *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 217.

Вследствие непрекращавшихся движений против изменника–короля и требований народа о его отрешении 25 июля 1792 г. был опубликован манифест, который говорил о недопустимости оскорбления короля и его семьи и предусматривал за его несоблюдение предание города Парижа «военной экзекуции и полному уничтожению». Этим манифестом король и интервенты пытались запугать народ, но получилось наоборот: документ вызвал взрыв народного гнева и ускорил и без того неизбежное восстание[1].

Крестьянство по-прежнему оставалось важнейшей силой революции, а аграрный вопрос — ее главным вопросом. Прошло три года со дня начала революционных действий, а феодальные пережитки все еще не были уничтожены, и крестьянство — в большинстве — не получило обещанные земли. Оно уже давно стихийными выступлениями, самовольным захватом помещичьих земель, прекращением уплаты поборов и ренты выражало свое нетерпение.

14 августа 1792 г. Собрание приняло декрет о разделе общинных земель между крестьянами и сдаче земель эмигрантов мелкими участками в бессрочное владение крестьянам за годовую ренту, которая выплачивалась в длительный срок[2].

Декретом 15 августа Собрание отменило все судебные дела, связанные с претензиями феодалов.

25 августа 1792 г. еще одним декретом Собрание отменило без выкупа все феодальные права, обладатели которых не могли подтвердить их документальными доказательствами.

Длившаяся в это же время внешняя война ухудшила экономическое положение Франции[3]. Занятие неприятелем пограничных департаментов в начале войны, создание больших армий, требовавших питания и снабжения, непрерывно растущие расходы на нужды войны, нарушение обычных хозяйственных связей — породили серьезные экономические затруднения. Чтобы покрыть растущие расходы на войну, жирондистское правительство встало на путь непрерывных эмиссий, не желая облагать налогом крупных собственников и затрагивать их интересы. Чтобы обеспечить армию

[1] *Катаев Н.А., Мухаметшин Ф.Б.* История государства и права… С. 323.

[2] *Сальников В.П.* История государства и права… С. 193.

[3] *Итенберг Б. С.* Россия и Великая Французская революция. М., 1988. С. 113.

Исполнительный комитет еще 4 сентября 1792 г. принял декрет, разрешающий производить реквизицию сельскохозяйственных продуктов.

В 1793 г. Конвентом была принята новая Конституция с новыми социальными гарантиями и правами, в соответствии с которыми каждому французу гарантировалось всеобщее образование, государственное обеспечение, неограниченная свобода печати, право петиций, право объединения в народные общества и т. д.

После разгрома Якобинского клуба в ноябре 1794 г. установилось господство новой буржуазии, которая была охвачена жаждой обогащения, спекуляциями и издевательствами над гражданскими доблестями. В течение короткого времени общественные нравы и быт изменились до неузнаваемости. Строгую простоту нравов революционной столицы заменили выставленные напоказ роскошь, внешний блеск желающих похвастать своим богатством новых хозяев страны. Термидорианские вожди женились на освобожденных из тюрем вдовах и дочерях гильотинированных или эмигрировавших аристократов: они торопились породниться со старой знатью. С другой же стороны, низшие слои населения находились в голоде и нищете.

В 1795 г. была принята Термидорианская конституция, подтверждающая сохранение республиканского режима, но вводившая псевдодемократические государственные формы, которые не могли обеспечить экономической и правовой стабильности. Всеобщее избирательное право отменялось; вводился высокий избирательный ценз. Непоследовательность, резкие повороты в политике Директории, которой вручалась исполнительная власть, то обрушавшей удары против якобинцев, то начинавшей борьбу против дворян-эмигрантов и неприсягнувших священников, то облагавшей высоким подоходным налогом финансистов и спекулянтов, делали политическую обстановку во Франции непредсказуемой[1].

Из всех буржуазных революции, разрушавших изживший себя феодальный строй, французская революция конца XVIII в. с наибольшим правом может называться великой[2]. Ее главной движущей силой был народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть борьбы с феодальной

[1] *Катаев Н.А., Мухаметшин Ф.Б.* История государства и права… С. 332.

[2] *Ткачев П.Н.* Революция и государство // Ткачев П.Н. Избранное. М., 2010. С. 320.

контрреволюцией, он двигал революцию вперед, творческое участие народных масс в революции накладывало отпечаток на весь революционный процесс. И хоть эта революция погибла через пять лет после своего начала, породив на долгие годы разочарования в осуществимости провозглашенных ею лозунгов свободы, равенства и братства, она дала серьезный толчок к дальнейшему развитию судьбы своей страны, показала на наглядном примере, на что способен ее народ, и за что он еще сможет побороться.

Источники и литература

Итенберг Б. С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988.

Катаев Н.А., Мухаметшин Ф.Б. История государства и права зарубежных стран. М., 2006.

Любимов Н.А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1789–1790). М., 1893.

Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.

Манфред А.З. История Франции. Т. 2. М., 1973.

Сальников В.П. История государства и права России и зарубежных стран. М., 2006.

Ткачев П.Н. Революция и государство // Ткачев П.Н. Избранное. М., 2010.

И.А.Никифоров

Судебное правотворчество во Франции XIX века

Великая французская революция — одно из кардинальных событий, которое полностью изменило ход европейской истории. Историки спорят о том, какие причины стали основополагающими, но в целом есть консенсус о том, что это результат многих факторов. Экономические проблемы, связанные с недальновидностью французских финансистов, вылились в серьезный дефицит государственной казны. Климатические условия, возникшие в конце 1780-х гг., привели к резкому снижению урожайности в сельском хозяйстве, недостатку провизии, голоду и в результате массовой гибели людей. Политическое устройство Франции, которое не адаптировалось под изменившиеся условия, не смогло решить возникшие финансовые и социальные проблемы.

Одной из таких социальных проблем было неравенство сословий и огромная нищета отдельных слоев населения. Народ слишком страдал под гнётом монархии и институтов власти, под непомерными налогами и

сборами. В результате напряжение в обществе достигло своего предела и недовольные существующим положением вещей свергли монархию.

Неравенство сословий проявлялось в различных областях общественной жизни. В контексте этой статьи нас прежде всего интересует судебная система. Французские суды работали с большим количеством нарушений, их решения были далеко не всегда справедливы. Дореволюционное судопроизводство отличалось медлительностью, хаотичностью, дороговизной, недоступностью для низших слоёв населения. Судьи сильно зависели от феодалов и короля. Судейские должности наследовались, продавались и покупались — воспринимались как определённый актив[1]. Суды злоупотребляли своим усмотрением, поощряя неравенство сословий: людям разного происхождения назначались неравнозначные наказания, исход гражданского дела также мог зависеть от статуса спорящих сторон. Судьи, прикрываясь неструктурированностью законодательства, выносили своевольные решения, оправдывая свои действия монаршей волей. В судах царила коррупция. Все эти факторы подрывали доверие к суду и к праву, люди воспринимали судебные органы как органы государственных репрессий и давления. Можно говорить о том, что проблемы в судебной системе также стали одной из многих предпосылок Революции.

В ходе революционных преобразований, когда новый законодатель пришёл к власти и начал решать проблемы государства, в первую очередь была всесторонне реформирована и приведена в порядок именно судебная система, были сделаны попытки исправить её основные пороки и не допустить прошлых ошибок.

Во-первых, для нивелирования возможности произвола со стороны суда законодательство сделали гласным и, по возможности, максимально понятным для обывателя, чтобы у сторон судебных процессов было меньше сомнений в легитимности принятых решений. Эта идея больше всего проявилась в стилистике принятого позже Французского Гражданского Кодекса, который оперирует простыми формулировками, короткими

[1] *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I. С. 124.

предложениями и является одним из самых легко читаемых Кодексов и по сей день.[1]

Во-вторых, законодатель попытался полностью ограничить суд законом, прописать мельчайшие детали того, как следует судье поступать в тех или иных ситуациях, какие решения выносить, сделать его «правоприменительным автоматом»[2]. Суду было запрещено творить нормы общего характера, применять аналогию права и закона.

В-третьих, суд был полностью ограничен в праве толковать законы любым образом. Предписывалось всегда направлять специальный запрос к законодателю, когда требовалось истолковать ту или иную неясность в норме закона.[3] Тем не менее, во Франции институт подобных запросов успешно не заработал, как и во всей мировой практике. Главной причиной этого стало то, что при условии полного запрета толкования закона, суду также было запрещено как отказывать в правосудии по причине отсутствия подходящей нормы, так и затягивать рассмотрение дел, в том числе по причине направления запроса. Поскольку запрос к парламенту требовал большого количества времени, а пробелы в законодательстве обнаруживались часто, суд оказывался в безвыходном положении. Это могло парализовать как судебную, так и законодательную систему. Поэтому от этой инициативы почти сразу отказались, признав за судом право толковать законы.

В целом, все изменения были мотивированы страхом перед тем, что судьи в ещё не закончившемся хаосе революции продолжат творить произвол и беззаконие.

Безусловно, все эти изменения в подходе к деятельности судов были результатом дискуссий в научном сообществе начала XIX в. и нашли отражение в современной научной литературе.

Во многом изменения в законодательстве были продиктованы получившими широкое признание идеями Монтескье о разделении властей[4],

---

[1] *Merryman J.H., Perez-Perdomo R.* The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America. 3 ed. Stanford, 2007. P. 29.

[2] *Van Caenegem R.C.* Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 157.

[3] *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение… С. 138, 184–185.

[4] *Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 297.

ставшими неотъемлемой частью философии Просвещения. Поэтому суд хотели чётко ограничить в функциях правоприменения.

Другим научным движением, выступавшим за подобное реформирование, выступала школа экзегезы [1] . Эта школа набрала наибольшую популярность в юридических кругах в начале XIX в. Первым постулатом школы было закрепление полной монополии законодателя на правотворчество. Вторым - являлось убеждение в беспробельности правового регулирования, в том, что все возможные нормы уже предусмотрены в тексте гражданского кодекса и других нормативных документов, а недостающие можно вывести из его структуры и принципов, а задача учёных-правоведов и судей заключается в поиске этих норм. В-третьих, учёные были уверены в непротиворечивости законодательства и отсутствия в нём коллизий, поэтому у суда не должно возникать никаких проблем, связанных с неоднозначностью нормативных предписаний. Кроме того, в обществе была популярна идея о том, что абсурдность закона и явная несправедливость, которая последует за его применением, не является основанием для суда не применять такой закон.

Под влиянием этих идей и сложилась правовая культура Франции XIX в. Сейчас можно говорить о том, что определённо французские юристы переоценили значение Гражданского Кодекса. Он стал восприниматься в качестве Библии, юристы раболепствовали перед его нормами, в то время как он всё больше нуждался в дополнениях. Нормы, заложенные в кодексе, не претерпевали изменений, хотя потребности гражданского оборота требовали этого развития. Причиной подобного отношения к Кодексу являлся эффект кристаллизации, описанный Р. Кабрияком[2]. Дело в том, что в начале XIX в. силы всех юристов Франции были брошены на создание этого документа, общество жаждало новой эпохи, её новаций и нового Кодекса в том числе. Поэтому, когда Кодекс был разработан и введён в действие, к нему стали относиться как к идеальному документу, не требующему дальнейшего совершенствования.

Основной проблемой подхода школы экзегезы стал формализм. В данном случае, вера в то, что концепты и принципы, выводимые из текста закона, суд лишь находит и применяет, сделала невозможным исследование

[1] *Dawson J.P.* The Oracles of Law. New York, 1968. P. 392

[2] *Кабрияк Р.* Кодификации. М., 2007. С. 154.

того, чем суд занимается на самом деле. А это приводило к отсутствию надлежащего контроля над ним. Общество также не в полной мере понимало механизмы работы суда, поскольку далеко не всегда было очевидно, каким образом судья пришёл к тем или иным выводам.

Наиболее эффективную и объективную оценку работе французских судов дал Ф. Жени в конце XIX в., опубликовав свою монографию «Метод Жени» [1] . Основной целью этой монографии было развенчание вышеперечисленных мифов школы экзегезы. За прошедший век слишком сильно изменились социальные условия, Франция прошла через несколько революций, войн, во всём мире начались процессы индустриализации. Изменились и знания людей о правовых институтах, о том, как работает право, и стало очевидным, что исторический законодатель не смог всё это предусмотреть. Из этого следовал простой вывод: законодательство содержит пробелы.

Доказав пробельность права, Ф. Жени обосновал, что в таком случае, встречая пробел, суд заполняет его придуманной им нормой, а вовсе не занимается толкованием права. В пользу этого говорит то, что пробелы могут быть таких масштабов, что их невозможно заполнить исходя из структуры права, пользуясь приемами аналогии права. Например, такой пробел как отсутствие указаний о сроках выполнения отдельных договоров. Таким образом, учёный доказал, что суд занимается именно судебным правотворчеством.

Судебное правотворчество — это свободный процесс нахождения судьей решения спора, в случае, если это решение лежит за пределами правового регулирования, определяемого законодательством. Подобное определение объясняется тем, что для Ф. Жени оно было приемлемым лишь в пробельных зонах. Это давало возможность Ф. Жени не вступать в прямое противоречие с принципом разделения властей, поскольку он признавал базисность и первичность законодательного регулирования. Предоставление правотворческих полномочий суду требовало полного осознания, что решения должны выносится не на основе простого усмотрения, а с использованием идей справедливости, социальной пользы и баланса

[1] *Geny F.* Methode d'interpretation et sources en droit prive positif. 2nd ed. Paris, 1954. P. 428.

интересов различных субъектов. Из этих идей суд и должен был выводить норму для применения ad hoc.

Ф. Жени описывает, что происходило фактически и как работали суды во Франции. Почти сразу после революции законодатель охладел к идее своей монополии на толкование законов и вернул эти полномочия суду.[1] Судебная власть начала ими пользоваться, приступив к развитию законодательства. Данный процесс возглавил французский Кассационный Суд, главный судебный орган Франции. Он занялся глубоким толкованием постепенно устаревающего Кодекса, начал создавать судебную практику путём признания или отмены решений нижестоящих судов.[2]

Чем больше времени проходило с момента принятия Кодекса, тем шире воспринимали суды свои возможности в толковании закона. Если в начале толкование законов было преимущественно буквальным, то к концу XIX века суды активно использовали и другие виды толкования: логическое, историческое, телеологическое. Суды всё больше применяли собственное усмотрение при принятии решений. Их возможности были настолько широки, что они постепенно начали даже отменять действие устаревших и неадекватных норм, апеллируя к общеправовым принципам, например, равенства и справедливости, и воле законодателя, путём фактического неиспользования этих норм.[3]

В вопросах толкования права суд имел большое усмотрение, которое в целом можно и назвать судебным правотворчеством. Как раз этим суд занимался, выбирая тот или иной способ толкования на своё усмотрение, ведь от этого выбора зависело конечное содержание применяемой нормы. Кроме того, этот выбор базировался на том, что суд зачастую сначала находил правильное решение, основываясь на принципах и собственном моральном компасе, а уже затем подбирал подходящую аргументацию, обоснование своего решения. При этом судебное толкование далеко не всегда было очевидно и понятно для сторон процесса.

---

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 94.

[2] *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение… С. 185.

[3] *Geny F.* Methode d'interpretation… P. 434.

Ф. Жени вскрыл сложившийся дуализм правового регулирования. [1] Ученые, сторонники школы экзегезы, изучают принципы и нормы, заложенные в Кодексе, в то время как фактически суд осуществляет правовое регулирование многих институтов вне этого Кодекса. При этом в доктрине отсутствует всяческий интерес к действиям суда. В частности, об этом говорит то, что первый комментарий к судебной практике был также выпущен лишь в конце XIX в.[2]. В своей работе Жени осуждает отсутствие интереса к судебной деятельности, по его мнению, это одна из важных проблем, которая не позволяет науке двигаться вперед.

Монография Ф. Жени пользовалась огромным интересом в научных кругах всей Европы. Тема судебного правотворчества вызвала широкие дискуссии в обществе, от факта его существования до возможности и допустимости такого явления. Все дальнейшие работы по теме судебного правотворчества так или иначе опираются на доводы, высказанные Ф. Жени в своей работе.

Общество заинтересовалось работой судов, юристы-учёные стали больше уделять внимания аргументам, которые суд использовал для обоснования своих решений. Активизировался дискурс вокруг судебной практики.

Признание законодательства пробельным окончательно развенчало мифы о полноте Гражданского Кодекса, законодатель задумался о необходимости новаций. Опыт Кассационного Суда стали использовать в целях развития законодательства. Именно этот орган занимался развитием французского права прежде, в то время как общество было ослеплено блеском Французского Гражданского Кодекса.

Государственные институты стали больше контролировать судей, осознав, насколько широкими были их полномочия. Поэтому решения судов постепенно становились более аргументированными и взвешенными. Суды более не оставались в приятной для них тени.

В научном сообществе не было полного согласия с выводами Ф. Жени. Большие опасения вызывала возможность суда творить нормы, многие считали это серьезным нарушением принципа разделения властей. Однако не

[1] *Карапетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2010. С. 35

[2] *Dawson J.P.* The Oracles of Law. P. 398–399.

стоит абсолютизировать этот принцип. Законодательная власть всё еще оставалась главным правотворцем, судебная — по большей части правоприменителем. В условиях, когда ветви власти имеют взаимные сдержки и противовесы, возможность суда творить нормы не представляется настолько опасной.

Кроме того, серьезным аргументом в пользу судебного правотворчества стало то, что оно фактически осуществляется на протяжении многих лет, но системные негативные последствия этой практики отсутствуют, наоборот, судебное правотворчество решило многие правовые проблемы, которые встали перед французским обществом. В частности, именно Кассационный Суд создал институты злоупотребления правом, неосновательного обогащения, ввёл концепты справедливости.

Спустя годы стало понятным, что и пробельность права бессмысленно отрицать. Развитие общества, активизация делового оборота требовала новых правовых институтов и регулирования, которые не могли быть выражены через старое законодательство.[1]

В заключение важно сказать, что судебное правотворчество и факт его признания в конце XIX в. сыграли важную роль в развитии французского права. Сегодняшнее положение во многом объясняется теми нормами, которые были заложены судом тогда. Тезисы, высказанные Ф. Жени в его «Методе», положили начало дискуссии о судебном правотворчестве по всей Европе, он стал идейным вдохновителем многих правоведов XX в., исследовавших этот аспект работы судов.

Источники и литература

Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.

Кабрияк Р. Кодификации. М., 2007.

Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2010.

Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I.

Dawson J.P. The Oracles of Law. New York, 1968.

[1] *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 78.

Geny F. Methode d'interpretation et sources en droit prive positif. 2nd ed. Paris, 1954.
Merryman J.H., Perez-Perdomo R. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America. 3 ed. Stanford, 2007.
Van Caenegem R.C. Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987.

С.В. Лемехов

Эволюция брачно-семейного права на примере условий вступления в брак, сформулированных в кодексе Наполеона и Германском гражданском уложении

Брачно-семейное право является одним из основных институтов гражданского права, поэтому анализ правовых норм семейного права способствует формированию представлений об основных принципах внутригосударственного права. Основополагающими институтами брачно-семейного права являются институты заключения и расторжения брака. Проблемой анализа эволюции брачно-семейного права занимались многие исследователи: Т.А. Моховая, Н.Ф. Гайжан, Т.А. Мосиенко, С.Н. Бондов и др. Т.А. Моховая пишет: «Семейное право понимается как союз двух людей, основанный на добровольности, взаимопонимании и доверии, который включает в себя в большей части неимущественные личные отношения, такие как любовь, брак, взаимное уважение, личная свобода, воспитание в семье, привязанность, доверие друг к другу, ответственность и тому подобные» [1]. Эволюция брачно-семейного права дает представления об анализе всей правовой системы. Для наглядного изучения и анализа данного института необходимо рассмотреть нормы брачно-семейного права на примере Кодекса Наполеона (далее ФГК) и Германского гражданского уложения (далее ГГУ). Считается, что данные нормативно-правовые документы являются наиболее наглядными пособиями по изучению эволюции брачно-семейных отношений XIX в., т.к. ФГК был принят в начале века, в то время как ГГУ — в конце.

Для того чтобы разобраться в условиях заключения и расторжения брака

[1] *Моховая Т.А.* Истоки и тенденции развития семьи и брака — эволюция семейно-брачных отношений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112 (08). С. 2.

по ФГК и ГГУ следует, прежде всего, дать определение браку. Например, Н.А. Какоурова выделяет следующие особенности данного института в ФГК: «Брак теперь стал признаваться как договор, зарегистрированный актом гражданского состояния, произведенный муниципалитетами»[1]. В ГГУ: «Брак по БГБ является, как и в Кодексе Наполеона, светским (не церковным) институтом. Впрочем, германский ГК не запрещал и церковную форму брака, подчеркивая, что его нормы регулируют лишь гражданский брак»[2]. «Понятие «брачный союз» (eheliche Gemeinschaft) означает «совместная жизнь», «законный, зарегистрированный брак», «супружеская общность» и охватывает совокупность всех личных и имущественных отношений супругов»[3]. Таким образом, отмечается единство в определении брака и в ФГК, и в ГГУ. Они трактуют брак как светский институт, заключенный в специализированном государственном органе с соблюдением необходимой процедуры. Условия вступления в брак оба документа формулируют по-разному.

Стоит отметить различия в брачном возрасте. Например, в ст. 144 ФГК указано: «Мужчина до достижения полных 18 лет, и женщина до достижения полных 15 лет не могут заключить брака». Согласно § 1303 ГГУ, «запрещается вступать в брак — мужчине раньше достижения им совершеннолетия, а женщине — пока ей не исполнится шестнадцать лет от роду. Женщине может быть разрешено отступление от этого правила». Ни ФГК, ни ГГУ не закрепляли равенство по гендерному признаку для заключения брака между лицами. Оба кодекса устанавливали более высокий возраст вступления в брак для мужчин, чем для женщин. Полагается, что ГГУ устанавливал более высокий возраст вступления в брак и для мужчин, и для женщин, чем ФГК. Можно предположить, что такая ситуация связана с тем, что немецкие традиции права предполагали более высокий возраст

[1] *Какоурова Н.А.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в буржуазном праве Франции (по Гражданскому кодексу Наполеона 1804 г.) // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4. С. 8.

[2] *Савельев В.А.* Германское гражданское уложение: Учеб. пособие. М., 1983. С. 51.

[3] Гражданское уложение Германии. Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgestz: Ввод. закон к гражданскому уложению / Пер. с нем.; науч. ред. А.Л. Маковский и др. М., 2004. С. 342.

становления и формирования личности, совершеннолетия, чем предполагали французские традиции.

Помимо брачного возраста гражданское право предъявляет иные условия вступления в брак.

Ст. 146 ФГК указывает: «Нет брака, если нет согласия», что соответствует договорной природе брака. Ст. 148 гласит следующее: «Сын, которому не исполнилось 25 лет, дочь, которая не достигла 21 года, не могут заключить брак без согласия их отца и матери; в случае разногласия достаточно согласия отца», а ст. 151: «Дети, достигшие совершеннолетия, установленного статьей 143, обязаны, до заключения брака, испросить, посредством почтительного и формального акта, совет их отца и их матери [относительно вступления в брак], или совет их дедов и бабок, если их отец и их мать умерли или не в состоянии выразить свою волю» и ст. 152: «Со времени достижения совершеннолетия, установленного статьей 143, и до достижения сыновьями 30 лет и дочерьми — 25 лет, почтительный акт, предписанный предыдущей статьей и не вызвавший согласия на брак, будет возобновлен еще два раза, каждый раз — через месяц, и через месяц после третьего акта можно приступить к совершению брака и без согласия». Морандьер Л. Жюллио указывает: «Гражданский кодекс вернулся к системе дореволюционного законодательства. Прежде всего, он восстановил различие в возрасте брачного совершеннолетия мужчин и женщин. Дочери, не достигшие полных 21 года, и сыновья, не достигшие полных 25 лет, не могли вступать в брак без согласия своих родителей или восходящих. Таким образом, возраст брачного совершеннолетия не совпадал с возрастом общего совершеннолетия»[1]. Морандьер Л. Жюллио высказывается в защиту этой нормы следующим образом: «Во-первых, дети, выражая свое согласие на вступление в брак, нуждаются в совете, если они вступают в брак молодыми, в возрасте, когда человек неопытен и склонен к увлечениям. Во-вторых, — и этот довод имеет силу независимо от возраста будущих супругов — брак затрагивает не только интересы тех, кто в него вступает, но также и интересы семьи каждого из них: в лице будущих внуков, зятя и невестки проявляются наследники родственников каждого из супругов, кредиторы по алиментным требованиям; брак приобщает лицо, избранное сыном или дочерью, к кругу

[1] *Жюллио М.Л. де ла.* Гражданское право Франции. Т. 1. М., 1958. С. 337.

семьи и социальному положению, которые, по общему правилу, созданы не вступающими в брак, а его восходящими».[1] То есть, ограничение вызвано необходимостью заботы о своих родственниках и в интересах рода. Таким образом, для лиц, не достигших брачного возраста, необходимо было согласие родителей или их опекунов, однако и совершеннолетние были обязаны спросить совет опекуна или родителей. Аналогичная норма права содержалась и в нормах римского права. Наблюдается еще одно важное условие в ст. 147: «Нельзя заключить второй брак до расторжения первого брака». В данном случае правовая норма соответствует общепринятым нормам, защищающим моногамный брак. Норма вызвана, скорее всего, каноническим правом. Однако в Кодексе Наполеона содержится ст. 159, которая регулировала условия вступления в брак для внебрачных детей: «Внебрачный ребенок, который не был признан, и внебрачный ребенок, который, после того как он был признан, потерял своих отца и мать или отец и мать которого не могут выразить свою волю, может до достижения 21 года вступить в брак лишь после получения согласия опекуна, который специально для этого будет ему назначен». Для вступления в брак для несовершеннолетнего лица, не имеющего законных родителей, было необходимо согласие опытного лица, которого ему назначали специально с целью принятия решения о вступлении подопечного в брак. Данная норма являлась эволюционным институтом брачно-семейного права и способствовала защите интересов несовершеннолетних лиц.

Имеется еще ст. 161, которая описывает важное условие вступления в брак, а именно норму запрета на вступление в брак с родственниками: «По прямой линии брак запрещен между всеми восходящими и нисходящими, законными или внебрачными и свойственниками по той же линии». Аналогичная норма права содержится в римском праве, имеется отсылка к правовому обычаю и религиозным предписаниям.

Следовательно, основными условиями вступления в брак по Французскому гражданскому кодексу являлись: достижение брачного возраста, отсутствие другого брака на момент заключения, согласие для заключения брака со стороны родителей и опекунов для несовершеннолетних

[1] Там же. С. 335.

и необходимость спрашивать у вышеперечисленных лиц совета до достижения определенного возраста, и запрещался брак с родственниками.

Н.А. Какоурова пишет: «В законодательстве Франции семейное право после права собственности претерпело наибольшую ломку и наибольшие перемены. Семья была признана самостоятельной и освобожденной от множества вмешательств в ее внутреннюю жизнь со стороны государства и церкви. Отношения супругов составляли один из вопросов гражданского права, в которых Наполеон наиболее уклонился от принципов и идей, выражавшихся в законодательстве первых лет революции. «Любя во всем порядок и дисциплину, он требует крепкой организации семьи на основании безусловного авторитета мужа».[1] Как предполагал В. А. Юшкевич, именно в этом отразились черты родового, патриархального семейного быта Корсики, усвоенные Наполеоном в родной семье.[2] Правовую традицию Корсики составляло обычное право, то есть, можно сделать вывод, что одним из основных источников брачно-семейного права во Франции по Кодексу Наполеона являлись именно обычаи (кутюмы).

ГГУ формирует следующие условия заключения брака:

«§ 1304. Лицо, ограниченное в своей дееспособности, должно получить разрешение на вступление в брак от своего законного представителя. Если законным представителем является опекун, то в случае отказа с его стороны разрешение по просьбе опекаемого может быть заменено постановлением опекунского суда. Опекунский суд должен восполнить разрешение, если вступление в брак соответствует интересам опекаемого.

§ 1305. На вступление в брак законные дети, пока им не исполнится 21 год от роду, должны получить разрешение от отца, а незаконные дети, пока они не достигнут того же возраста, разрешение матери…

§ 1308. В случае отказа в родительском разрешении совершеннолетним детям оно может быть заменено по их просьбе постановлением опекунского суда.

§ 1309. Запрещается вступать в брак, пока прежний брак не прекратился или не признан ничтожным. Если супруги пожелают повторить заключение брака, то не требуется предварительного объявления брака ничтожным…

[1] *Какоурова Н.А.* Правовое регулирование… С. 9.

[2] *Юшкевич В.А.* Наполеон Первый на поприще гражданского правоведения и законодательства // Цивилистические исследования. Вып. 2. М., 2006. С. 79.

§ 1317. Брак заключается силою того, что брачующиеся заявляют перед чиновниками гражданского состояния лично и в одновременном присутствии их, что они желают вступить в брак друг с другом. Необходимо, чтобы чиновник был готов выслушать их заявления. Заявления не могут быть сделаны под условием или с указанием срока».

Таким образом, Германское гражданское уложение сформулировало следующие условия вступления в брак: согласие опекуна лица, которое ограничено в дееспособности; необходимость разрешения для законных детей до 21 года от родителей, но его можно преодолеть решением специализированного органа (Опекунского суда); запрещается вступать в брак, если он уже имеется. Данные нормы, в их классическом понимании, представляют собой нормы римского права и именно они являются источниками вышеизложенных норм. Тем не менее, необходимо отметить, что данные нормы Римского права эволюционировали в связи с созданием специального органа, который мог оспорить отказ в выдаче согласия на заключение брака.

Однако, важно отметить особенность, которую формулирует ГГУ: «Запрещается вступать в брак разведенному по прелюбодеянию супругу с лицом, с которым разведенный супруг совершил прелюбодеяние, если по решению о разводе признано, что это прелюбодеяние признано основанием к разводу» (§ 1312). Подобной нормы не знало ни римское, ни французское право».[1] Таким образом, важно было, чтобы будущие супруги не были наказаны в соответствии с вышеизложенной нормой. Полагается, что данная норма является результатом использования правовой традиции, которая была сформулирована в немецком земском праве.

В заключение необходимо отметить, что на формирование брачно-семейного права особое влияние оказали нормы правовой традиции, сформировавшиеся на территории определенного государства и делающие правовую систему данного государства уникальной. С. В. Колосок указывал: «Сохраняя преемственность традиций, ГГУ предусматривает условия, препятствующие заключению брака: наличие отношений близкого родства,

[1] *Савельев В.А.* Германское гражданское уложение. С. 52.

свойства, усыновления»[1]. Важно отметить, что в ФГК сохраняют свое влияние нормы канонического права, однако их становится меньше и они ограничиваются силой закона, это указывает Морандьер Л. Жюллио: «Мы видели, что некоторые обстоятельства служат препятствием к вступлению в брак: их отсутствие равнозначно наличию условий, требуемых для заключения брачного союза. Этих условий ныне три. Их было гораздо больше при действии канонического права. Это объясняется тем, что хотя Codex juris canonici сократил их число, католическая церковь может и ныне еще признавать недействительным брак в случаях, когда гражданский закон недействительности не признает».[2] Следовательно, ФГК сократил использование норм канонического права в регулировании брачно-семейных отношений. Эволюция норм брачно-семейного права зачастую зависит не только от общемировых тенденций развития права, но и от местных правовых обычаев и традиций, сформировавшихся в процессе становления государственности и права.

Источники и литература

Гражданское уложение Германии. Deutsches Burgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgestz: Ввод. закон к гражданскому уложению / Пер. с нем.; науч. ред. А.Л. Маковский и др. М., 2004.

Жюллио М.Л. де ла. Гражданское право Франции. Т. 1. М., 1958.

Какоурова Н.А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в буржуазном праве Франции (по Гражданскому кодексу Наполеона 1804 г.) // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4.

Колосок С.В. Институты брака и семьи по Германскому праву конца XIX века // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2.

Моховая Т.А. Истоки и тенденции развития семьи и брака — эволюция семейно-брачных отношений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112 (08).

Савельев В.А. Германское гражданское уложение: Учеб. пособие. М., 1983.

Юшкевич В.А. Наполеон Первый на поприще гражданского правоведения и законодательства // Цивилистические исследования. Вып. 2. М., 2006.

[1] *Колосок С.В.* Институты брака и семьи по Германскому праву конца XIX века // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 12.

[2] *Жюллио М.Л. де ла.* Гражданское право Франции. С. 345.

Г.А. Москалев

Проблемы создания новой государственности в западной Германии в послевоенные годы

В периоды революций, масштабных реформ и иных глубоких изменений всегда возникают проблемы при правовом оформлении новой государственности. Они связаны с тем, что очень сложно прийти к правильному решению найти такую модель, которая смогла бы эффективно работать. В современном мире, как и в недавнем прошлом, многие страны столкнулись с данной дилеммой. Многие страны, при реформировании своего государственного устройства, обращались к опыту Германии, которая после поражения во Второй Мировой войне и потери суверенитета, смогла заново восстановить свою государственность и достигнуть существенного успеха в улучшении жизни своего народа.

Что ожидало Германию в 1945 г.? Как пишет А.Ю. Ватлин, «до сих пор любая оккупация подразумевала либо выкачивание ресурсов завоеванной территории, либо предваряла ее присоединение к владениям победителя. После завершения Второй мировой войны речь шла об ином. Перед участниками антигитлеровской коалиции стояла задача наказания виновных в «германской катастрофе», обеспечения гарантий от ее повторения и возвращения крупнейшего народа Центральной Европы в мировое сообщество»[1].

Страна и город Берлин были поделены в соответствии с соглашениями в Ялте на четыре оккупационные зоны: советскую, британскую, французскую, американскую, — а управление было возложено на Союзнический контрольный совет, который должен был принимать решения на основе согласия. На важнейшей конференции в Потсдаме были оглашены принципы обращения с послевоенной Германией, так называемая формула четырех «де»: денацификация, декартелизация, демилитаризация, демократизация, — в соответствии с которой оккупационные власти проводили различные мероприятия: от обязательного посещения бывших концлагерей и кинотеатров, где показывались преступления нацистов, до демонтажа крупных промышленных предприятий.

[1] *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 131.

Тотальное обнищание населения, разрушение городов, потеря государственности привели к росту апатичных настроений среди населения по поводу будущего Германии. Но после краха нацистского режима на свободу из тюрем вышло множество идейных противников предыдущего строя, которым были не безразличны будущее и судьба Германии. Они пошли работать в создаваемые с конца 1945 г. гражданские администрации, которые находились под надзором оккупационных властей. Взгляды на будущее Германии среди новых немецких политиков не были едиными, что повлияет на последующее устройство государства.

Изначально союзники не хотели допускать местное население к участию в управлении. В директиве президента США, адресованной верховному главнокомандующему 26 апреля 1945 г., утверждалось: «Германия оккупируется не для освобождения, а как враждебное государство. В ходе оккупации и управления Вы должны проявлять справедливость, но оставаться твердыми и непреклонными. Следует категорически запретить любое панибратство с немецкими чиновниками и населением»[1]. Но уже к концу года оккупационные власти осознали, что без поддержки местного населения проводить собственную политику достаточно затруднительно и, в соответствии с идеологическими предпочтениями той или иной страны, на службу допускались немцы.

Перед всеми политическими силами встало множество важных вопросов: как достичь единства Германии? Как будет выглядеть система органов государственной власти в Германии? Как обеспечить ее наиболее эффективное функционирование без вреда для демократии? Каким образом распределить полномочия между центром и землями? Каким образом в дальнейшем не допустить повторения ситуации 1933 года, когда после прихода к власти Гитлера демократия была уничтожена?

Под управлением западных держав было три зоны. Первоначально они контролировались каждой страной отдельно, но в дальнейшем были объединены. Так, 2 декабря из-за кризиса между СССР с одной стороны, США и Великобританией с другой возникла Бизония, которая простиралась полосой земель от Баварии до Шлезвига. В дальнейшем Франция присоединила свои территории к данному объединению. В объединенных

[1] Там же. С. 135.

областях создавались демократические органы власти, например, 30 июня в Баварии было избрано учредительное народное собрание, в состав которого входили представители четырех политических партий. 1 декабря 1946 г. народ принял новую конституцию и одновременно с этим избрал ландтаг — земельный парламент. Таким же образом поступили и другие земли.

В дальнейшем встал вопрос об объединении земель, находящихся под контролем западных оккупационных властей, в единое немецкое государство. Территории, находящиеся под советским контролем, мы не рассматриваем, так как в них политические процессы шли обособлено (это связано с начавшейся конфронтацией между СССР и западными державами). Стоит отметить, что процесс образования государства в западной Германии был под контролем США, Великобритании и Франции. Данные страны вместе с Бельгией, Нидерландами и Люксембургом — соседями немцев, на конференции, проходившей в Лондоне в период с 23 февраля по 2 июня 1948 г., обсудили и приняли принципы построения нового государства. И уже 1 июля во Франкфурте-на-Майне состоялась передача одиннадцати премьер-министрам земель решений Лондонской конференции, которые содержали в себе проект конституционного устройства Германии.

Первым камнем преткновения встал вопрос о том, каким образом и как будет принята единая немецкая Конституция, а также ее название. Немецкие политики не хотели брать на себя ответственность за окончательный раскол страны. Именно поэтому основополагающий документ решили назвать Основным законом, и принять его должен был не референдум или Конституционное собрание, как того хотели западные державы, а Парламентский совет, который состоял из делегатов земельных ландтагов. Кроме того, предполагалось, что Основной закон — временный акт, который будет действовать до принятия полноценной Конституции всеобщим голосованием населения всех земель Германии.

1 сентября 1948 г. в Бонне состоялось первое заседание Парламентского совета из представителей различных партий. Стоит отметить, что депутаты были связаны директивами оккупационных властей. Хотя заседания проходили в спокойном режиме, иногда возникали разногласия между немецкой стороной и представителями оккупационной администрации. Несмотря ни на что, Основной закон был принят 8 мая 1949 г. и впоследствии одобрен ландтагами земель.

Как же в Основном законе решались различные проблемы построения государства?

Нацистский режим полностью отвергал концепцию прав человека, так как рассматривал каждого отдельного человека как одного из представителей германского народа. Составители Основного закона помнили это, поэтому и расписали обширный перечень прав, которые присущи каждому индивиду. Основной закон открывается разделом основных прав и первой статьей, в которой указано, что «достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти» [1]. В дальнейших статьях идёт перечисление различных прав и свобод, таких как свобода совести, вероисповедания, свободы религиозных убеждений и мировоззрений (ст. 4), права на распространение и получение информации, свободы искусства и науки (ст. 5), право на свободу собраний (ст. 8), свобода создания союзов и обществ (ст. 9), тайна переписки (ст. 10), свобода передвижения (ст. 11) и другие права и свободы. Поместив права человека в первый раздел, законодатель признал их высокую значимость. Это было сделано для того, чтобы подчеркнуть ценность каждого человека. Таким образом, авторы Основного закона акцентируют внимание на неприкосновенности и неотчуждаемости прав и свобод.

Памятуя о сверхцентрализованном устройстве Третьего Рейха, было решено сделать Германию федерацией: ст. 20 гласит: «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством». Тем самым государство получило двухчленную структуру: разделение на федерацию и земли. Федеральные органы власти учреждаются и действуют в соответствии с Основным законом, а органы земель в соответствии со своими Конституциями. Также под влиянием идей естественного права ст. 20 закрепляет «право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить этот строй, если иные средства не могут быть использованы». Введение данного положения является одним из важнейших гарантов сохранения демократии, так как Основной закон закрепляет право на сопротивление угрозам свержения конституционного строя.

[1] Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты / Пер. с нем.; сост. Т.Г. Морщакова; ред. и вступ. ст. Ю.А. Урьяса. М., 1991. С. 25.

Концепция народа как источника власти выражается в проведении тайного, всеобщего, равного, свободного и прямого голосования на основе пропорционального представительства в нижнюю палату парламента — бундестаг. Данный орган осуществляет законодательную власть посредством законотворчества. Кроме того, бундестаг участвует в избрании Федерального президента, Конституционного суда. Тем самым нижняя палата парламента является основой государственного строя Германии. Ее роль подчеркнута также и тем, что глава о нижней палате парламента поставлена раньше остальных глав, описывающих положение других органов государственной власти.

Исполнительная власть концентрировалась у главы Федерального правительства — Федерального канцлера, который формировал кабинет. Канцлер избирается парламентом и как правило является лидером победившей на выборах политической партии. Он может создавать министерства и определять их компетенцию. Глава правительства определяет основные направления внешней и внутренней политики, является главнокомандующим Вооруженными силами, предлагает кандидатуры Федеральному президенту, который назначает и увольняет их. Федеральный канцлер вместе с правительством несут ответственность перед парламентом и обязаны отчитываться перед ним. Таким образом, осуществляется парламентский контроль деятельности правительства.

Была введена, хотя и непредусмотренная первоначальным проектом, должность Федерального президента, которая, в отличие от Веймарской конституции, была в большей степени символической и представительской. Хоть у Федерального президента есть некоторые полномочия по назначению кандидатов на должности, он обычно соглашается с мнением Федерального канцлера, чтобы не замедлять работы правительства. Президент должен воплощать политическое единство общества, то есть представлять не конкретную партию, как федеральный канцлер, а весь народ.

Качественно новым явлением стало появление Конституционного суда, который может проверять законы на предмет их формального и материального соответствия Конституции. Он может объявить уже изданный закон неконституционным и тем самым лишить его юридической силы. Кроме того, данный орган может разбирать споры между землями и федерацией. Конституционный суд также правомочен давать толкования

Основного закона. Появление данного органа — реакция на то, как легко изменялось правовое поле Германии нацистским режимом. Суд же призван поддерживать принципы, на которых основывается конституция, и противодействовать угрозам демократии.

Поскольку Германия была объявлена федерацией, то надо было решить вопрос о форме представительства земель в парламенте. Так, в ходе работы Парламентского совета шли споры о том, какой должна быть верхняя палата парламента — сенатом (как во Франции или США) или представительством отдельных земель. Как отмечает А.Ю. Ватлин, «спорящие партии разделились по географическому признаку, южане в силу антипрусских традиций настаивали на втором варианте»[1]. Победили последние, вследствие чего палата получила название «бундесрат» (совет федерации), полномочия которого были расширены по сравнению с прошлыми верхними палатами в истории Германии. Верхняя палата теперь назначается из членов правительств земель и получает право отлагательного вето на решения нижней палаты. Данное нововведение расширило участие земель в политике федерации.

В целом можно увидеть, что составители Основного закона учли риски, которые несли в себе предыдущие государственные конструкции, и смогли разрешить многие вопросы, касающиеся организации власти в государстве. Примеров столь тщательной и целенаправленной подготовки к созданию государства история знает не так уж и много. Немецкий народ смог снова проявить свою волю к государственному единству во многом благодаря тому, что «нацистская революция освободила немцев от их собственного прошлого» [2] . Создатели государственности Германии не опирались на традиции, не ввязывались в долгие идеологические споры — они разработали такую Конституцию, которая бы находила компромиссные варианты разрешения политических конфликтов.

Основной закон Федеративной Республики Германии является очень стабильным документом, ведь даже после присоединения Германской Демократической Республики — государства восточных немцев, не было существенных поправок в текст. Все это свидетельствует об эффективности конституции немецкого государства, ведь такой закон, который не теряет

[1] *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. С. 150.

[2] Там же. С. 154.

актуальности по истечении десятилетий, является очень ценным. Составители Основного закона выполнили свою задачу: создали крепкий фундамент немецкой государственности, который существует и сегодня. Конституция Федеративной Республики Германии является отличным примером решения различных вопросов, которые возникают при создании государственности. Используя Основной закон в качестве образца, можно разрешить множество политико-правовых проблем, не повторяя такой трудный путь, пройденный Германией в XX веке.

Источники и литература

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002.

Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты / Пер. с нем.; сост. Т.Г. Морщакова; ред. и вступ. ст. Ю.А. Урьяса. М., 1991.

М.В. Лысова, С.С. Матисон

Конституция Польши 1791 года: дискуссионные аспекты и традиции европейского конституционализма

В условиях глобализации современного мира в XXI в. в практическом смысле особую актуальность обрели вопросы поиска оптимальной модели политического развития многих демократических стран. Именно поэтому представляется важным изучение конституционных основ зарождения и развития европейской государственности, исследование опыта парламентаризма и разделения властей. Особый интерес, на наш взгляд, представляет собой становление конституционных отношений в Польше в XVIII в. Польша прошла большой исторический путь, изобилующий политическими катаклизмами, в ходе которых традиции конституционализма то актуализировались, то утрачивались. Первый опыт демократических преобразований в соседней, братской нам по традициям и культуре Польше, имеет значение для юридической науки славянских стран в силу общности их исторического, экономического и культурного развития. Вместе с тем, в научном мире вызывает дискуссии и даже оспаривается первенство польской Конституции, принятой 3 мая 1791 г., как первой Конституции в Европе.

Цель данной работы состоит в исследовании основных положений

польской Конституции 1791 г., как соответствующих принципам французского просвещения и европейского конституционализма в целом.

Анализ трудов российских правоведов демонстрирует явные пробелы в научных изысканиях, посвященных польской Конституции 1791 г. Общее видение процессов развития польских государственных институтов можно сформировать благодаря трудам историков, в работах которых, безусловно, преобладают методы историзма, а не правового анализа. В юридической науке представлен сравнительный анализ польской и российской государственности, начиная с XIX в.[1], имеются работы, посвященные отдельным правовым институтам[2]. Однако целостная картина истории конституционных идей, конституционных учреждений и практики реализации конституционных норм может сложиться на основе детального изучения работ польских авторов, к сожалению, в недостаточной степени представленных в российских библиотеках.

На наш взгляд, заслуживает внимания исследование белорусского ученого А. Вашкевича «Основы конституционного права Республики Польша», которое базируется на трудах видных польских конституционалистов. Наиболее ценным источником являются работы профессора Варшавского университета Е.Ковальски, в которых последовательно отстаивается первенство польской конституции 1791 г.

В.И. Чехарина подчеркивает, что в истории мирового конституционализма Конституция Польши 1791 г., наряду с Конституциями США 1787 г. и Франции 1791 г., относится к числу первых писанных Конституций своего времени.

Г. Еллинек отмечает, что «первой европейской конституционной хартией была Конституция Франции», своё мнение автор основывает на том, что французская Конституция обсуждалась в 1789–1791 гг. и свою завершенную форму обрела 3 сентября 1791 г., а польская Конституция 1791 г., хоть и датирована 3 мая 1791 г., находится «в непосредственной связи с опубликованными ранее французскими конституционными законами».

Анализ исторических условий принятия первых европейских конституций демонстрирует активизацию внутриполитической жизни:

[1] *Чехарина В.И.* Основы конституционного строя Республики Польша. М., 2004. С. 3.

[2] *Шульженко Ю.Л.* Конституционный трибунал — специализированный орган правовой защиты основного закона в Польше // Конституционный вестник. 1991. № 6.

движение за национальную независимость в Польше и острая политическая борьба во Франции. Работа Чрезвычайного сейма, вошедшего в историю польского государства под названием четырехлетнего конфедеративного сейма, началась в 1788 году и завершилась принятием польской Конституции 3 мая 1791 г., официально именовавшейся «Правительственным законом».

Во второй половине XVIII в. под влиянием французского Просвещения, конституционных идей Великобритании, практического опыта возникновения США формируется новая польская политическая мысль, появляются оригинальные концепции политических, экономических, общественных и образовательных реформ. Последующие революционные события во Франции дали кардинально новое направление развитию европейского конституционализма. В работе польского Чрезвычайного сейма изменилось соотношение сил в пользу «патриотической партии», которая добилась продления работы сейма и обеспечила подготовку проекта Конституции. Следует указать на исключительную особенность первой польской Конституции: король с самого начала принимает участие во всех проектно-редакционных работах, что являет собой один из редких прецедентов в истории, когда король сам, добровольно действует в целях ограничения своей власти. В то время, как французский король Людовик XVI, последовательно отстаивая прерогативы абсолютного монарха, в результате лишился жизни на гильотине.

Авторами основного закона Польши были видные деятели польского Просвещения: король Польши Станислав Август Понятовский (1764–1795), политик и публицист Игнаций Потоцкий, поэт и юрист Гуго Коллонтай[1].

Структура польской Конституции 1791 г. включает в себя преамбулу и одиннадцать разделов. Во вступительной статье документа нашли своё воплощение категории, выражающие программу патриотического лагеря: свобода народа, независимость, спасение родины, всеобщее благо, охрана целостности территории государства и др.

Раздел I был посвящён римско-католической церкви, где подтверждались привилегии церкви, но при этом каждому вне зависимости от его вероисповедания были гарантированы «мир в делах его веры и защита

[1] Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы (под ред. В.И. Лафитского). М., 2013. Гл. 1. § 6.

правительства». Как видим, религиозный вопрос Франция и Польша решают по-разному: если во Франции государство, согласно конституции, объявляется светским, то в Польше остается господствующая религия в лице католичества.

Во втором разделе шляхетскому сословию (10% населения страны) гарантируются свободы и преимущества, устанавливается принцип равенства всех лиц этого сословия между собой. Исследование показывает, что решая проблему сословного общества, Польша и Франция приходят к разным результатам. Франция, опираясь на идеи Монтескье, Руссо и Вольтера, теоретически признает равенство всех граждан, полностью включая текст Декларации прав человека и гражданина 1789 г. в Конституцию. Польша, как справедливо отмечает В.И. Лафитский, перенимает идеи естественного права, но не может их реализовать в полной мере ввиду сильного влияния шляхты на государственную власть[1]. Низшие сословия — мещане (раздел III) и крестьяне (раздел IV) — были лишены политических, а также большей части гражданских прав, хотя предусматривались некоторые льготы для зажиточных слоёв мещанства. Сохраняя крепостную зависимость крестьян, Конституция всё же признает, что «из рук крестьянства течет самый щедрый источник богатств страны», а потому необходимо, чтобы «мы приняли его под покровительство законов и правительства».

Конституция Польши 1791 г. установила единые органы государственной власти для всей страны. Развивая принцип разделения властей, Конституция Польши закрепляет порядок организации каждой из них, ведь главной задачей эпохи было укрепление основ государственности. Законодательная власть (раздел VI) осуществлялась двухпалатным парламентом, состоящем из Сената и Сейма. Исполнительная власть (раздел VII) была разделена между Королем и его Советом под названием «Стражи права». Судебная власть (раздел VIII) принадлежала выборным судебным органам, независимым от законодательной и исполнительной власти. Конституция Польши ограничивала полномочия короля («король сам ничего не предпринимает»), отдавая ему прерогативу исполнителя закона.

[1] *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. Т. I. М., 2010. С. 252.

Обозначив лишь отдельные линии сравнения конституционных актов Польши и Франции 1791 г., видим достаточно много сходных положений, пропитанных традициями европейского конституционализма. Важно отметить, что обе Конституции базируются на идеях Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Источником власти в названных государствах признается народ, осуществляющий власть через своих представителей, своё развитие получает концепция национального суверенитета. Оба государства признаются конституционными монархиями, хотя Е. Ковальски указывает на наличие в форме правления Польши свойств, присущих дворянской республике[1]. Конституция объявляется высшим законодательным актом, в свою очередь законы, принимаемые уполномоченными на это органами, не должны противоречить Конституции.

Историческая судьба первых европейских Конституций оказалась недолгой. Французская Конституция утратила юридическую силу почти через два года на очередном этапе революционных преобразований. Польская Конституция просуществовала четырнадцать месяцев и прекратила своё существование в результате раздела территории между Пруссией, Россией и Австрией. Польская государственность, возродившаяся в 1918 г., вновь утрачивается в результате начала второй мировой войны, после которой Польша движется по социалистическому пути. В 1990 г. день принятия Конституции 3 мая был возрождён и официально объявлен государственным праздником.

Польская Конституция 1791 г., сохраняя преемственность либеральных традиций Великой французской революции, является значимым документом польской политической мысли периода Просвещения и стоит у истоков европейского конституционализма. Выдающиеся принципы, заложенные в первых европейских конституциях, являются основами современного конституционного развития (верховенство народа, принцип разделения властей, защита личности, представительное правление и др.)[2].

[1] *Ковальски Е.* Европейский и польский конституционализм: XVIII в. // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, 6 ноября 2015 г. М., 2017. С. 14.

[2] Там же. С. 21

Источники и литература

Ковальски Е. Европейский и польский конституционализм: XVIII в. // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Москва, 6 ноября 2015 г. М., 2017.

Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. I. М., 2010.

Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы (под ред. В.И. Лафитского). М., 2013.

Чехарина В.И. Основы конституционного строя Республики Польша. М., 2004.

Шульженко Ю.Л. Конституционный трибунал — специализированный орган правовой защиты основного закона в Польше // Конституционный вестник. 1991. № 6.

В.Д. Балашов

Влияние «Культурной революции» (1966–1969 гг.) на правовую систему Китайской Народной Республики

50 лет назад, 1 апреля 1969 г., на 9 съезде Коммунистической Партии Китая (далее — КПК) было принято судьбоносное для КНР решение. Окончательно, на официальном уровне была закреплена маоистская идеология; съезд также узаконил «культурную революцию», признав её единственно верной практикой построения социализма в Китае и официальным выражением воли Председателя. Мао Цзэдун призвал китайский народ к «уничтожению Kung-chien-fa (публичных органов безопасности, полиции и судебных органов)» и к тому, чтобы «народ руководствовался не буржуазными законами, а единственно верным законом революции».

С изменением политического курса страны после провала политики «Большого скачка» изменилась и политика руководства КПК к законодательству. Была признана необходимость разработки законов, как важнейшего регулятора жизни страны и общества. Конституция КНР 1975 г. гласила, что именно Конституция, как высший закон государства, устанавливает общие правила и фундаментальные основы правовой системы КНР, китайское руководство истолковало данное заявление с маоистских позиций, что входило в противоречие с некоторыми изречениями вождя. В заявлении ЦК КПК говорилось: «так как любой порядок должен иметь законы, наш новый порядок также должен иметь их». После смерти Мао новое китайское руководство, дабы не допустить второй «культурной

революции», подкрепило данное положение конституции заявлением о «великой роли Председателя Мао в формировании законов народного Китая», чтобы подчеркнуть единство революционной дисциплины, закона и порядка народной демократии.

Несмотря на то, что культурная революция окончилась 50 лет назад, а отношение к этой вехе в истории у китайских политиков неоднозначно, не заметить влияние идей и духа «культурной революции» и её идейного руководителя на правовую систему КНР невозможно. В то время как коммунистические режимы Европы и СССР рушились один за другим, Китай не только сохранил народно-демократический строй, но и стал одной из ведущих держав современности, во многом благодаря тем идеям постепенного реформирования, которые были вложены Мао в основу КНР: как в её политический курс, так и в её законы. В чём же особенность китайской правовой системы? Как повлияли идеи Председателя на современную правовую систему КНР?

В данном докладе автор постарается рассмотреть меру, в которой маоизм повлиял и влияет на правовую систему народной республики и то, как уживались и уживаются в одной правовой системе две полярно разных правовых модели: народный закон, где право выступает как инструмент социальной инженерии, с неприятием конфуцианства, и позитивистская модель легизма.

Когда Мао 1 октября 1949 г. провозгласил Китайскую Народную Республику, перед Компартией Китая встала острая необходимость адаптации национального китайского законодательства и переустроения его на основе принципов марксизма-ленинизма. Несмотря на явный характер советизации по советскому образцу, Китайские лидеры смогли не только адаптировать старые правовые институты к социалистической реальности, но и основать, благодаря этому, новое течение в социализме — социализм с национальной спецификой. Данное течение нещадно критиковалось коммунистами из Москвы как реинкарнация национал-социализма. Однако именно этому течению единственному предначертано было выжить. Его правовая основа в китайском варианте имела основанием смешение легизма, конфуцианства и маоизма.

Как отмечал Фу Женьян: «Перенос марксизма-ленинизма на китайскую почву проходил плавно и постепенно»[1]. Западные ученые также отмечали, что именно политико-правовое устроение императорского Китая создало плодородную почву для коммунистической идеологии. В частности, древняя китайская правовая традиция легализма, исповедующая явный позитивистский подход к праву. Упор делается на силу, благосостояние и мощь государства. Некоторыми учеными даже выдвигается теория о том, что тот курс, который сейчас избрала для себя КПК, есть попытка воплощения в жизнь идей древнего легизма и идеального общества и государства в легистском понимании.

Что такое право и государство в легизме?

Как уже было отмечено, легизм видел своей основой сильное государство, управляемое твердой рукой абсолютного правителя. Основными показателями успешности являлись умение руководить эффективно и предотвращать возможные восстания. Законы должны быть жестоки, чтобы воспитать в людях одновременно и страх, и желание постоянно быть готовыми отдать жизнь за своего правителя. Государство любыми методами, не гнушаясь любых средств, должно сокрушить своих врагов, как внешних, так и внутренних. Самым ужасным преступлением, по мнению легистов, являлись измена и мятеж. Они верили, что государственная система должна щедро вознаграждать тех, кто ей служит, и сурово карать непокорных, пресекая любую попытку ослушаться установок государства.

Приняв на вооружение легистскую правовую мысль, первый император Китая, Цинь Шихуанди, смог объединить разрозненный Китай, создав централизованное, авторитарное по своей сути государство, создав первую китайскую империю, получившую позднее название — империя Цинь. Тирания Цинь не могла создать долгого династического правления, однако вклад Императора в централизацию Китая неоценим. Методы, которыми он поддерживал своё правление: постоянные чистки и ротации элит, затем будут взяты на вооружение Мао. Как писал известный критик легизма и представитель конфуцианского подхода к праву Китая Цзя И, «Шихуанди уничтожал памятники древних королей и сжёг тысячи книг, дабы погрузить народ в неведение. Он уничтожил защитные сооружения (многие

[1] *Fu Zh.* China’s Legalists: The Earliest Totalitarians and Their Art of Ruling, 1996. P. 128.

устаревшие, уничтожавшиеся в ходе попыток военной реформы — авт.), тайно погубил многих несогласных с ним, приказал свести всё оружие, находящееся в частных руках, в имперскую столицу, где мечи были переплавлены в 12 человеческих статуй, дабы этим ослабить народ и возвысить себя»[1].

Цинь Шихуанди сделал легизм официальной идеологией, так как оправданно опасался даосизма и конфуцианства. Приказав жечь книги, он сделал исключение только для текстов легистов. Развязав борьбу против всего старого, подчинённые императору отряды проверяли дома на наличие там конфуцианских текстов и на укрывательство опальных представителей иных течений.

2170 лет спустя после основания Империи Цинь, Мао Цзэдун основал Китайскую Народную Республику, вобрав в себя основы легистской мысли, сделав КНР тоталитарным государством. Трудно было бы проследить историческое наследие между этими двумя государствами, если бы не заявления самого Мао. Он прославлял методы Цинь Шихуанди, утверждая: «…в политике Императора цинской династии нет ничего необычного. Он погрёб заживо всего 460, мы же, в нашей культурной революции, 46000. Тем, кто сравнивает нас с Цинь Шихуанди, говоря, что мы поступаем так же ужасно как и он, я хочу возразить. Мы поступаем в 100 раз более жестоко по отношению контрреволюционным элементам, чем какой-то император династии Цинь»[2].

Другим примером анти-конфуцианской политики культурной революции является фрагмент речи Мао, где он спорит с Лян Шумином — философом и ученым республиканского периода в истории Китая на заре народной республики. Он принадлежал к оппозиционному как к коммунизму, так и авторитарному Гоминьдану движению «третьей силы», основанному на базовых демократических принципах, переплетённых с конфуцианством. Он критиковал индустриализацию и аграрную реформу, проводимую Мао. Также утверждал о необходимости создания развитого института гражданского общества и уменьшении централизации. Он видел будущее Китая в

[1] Sources of Chinese Tradition / Comp. by Th. De Bary, Wing-Tsit Chan and B. Watson. Vol. 1. 1960. P. 151–152.

[2] *Rummel R. J.* Death by Government. 2011. P. 97.

децентрализованной парламентской республике, где большой удельный вес имело бы не местное самоуправление.

Мао, споря с Ляном, говорил: «Все провалы конфуцианской политики в управлении могут быть из-за недостаточной демократичности и неуверенности в себе и своих идеях самого Конфуция, так и его последователей в лице Ляна… Есть в этом стиле управления (страной) какой-то стиль разбойника с примесью фашизма». Фашизм в, казалось бы демократической, конфуцианской правовой мысли Мао видит в патерналистском характере власти, традиционализме, близком к фундаментализму, и особом корпоративном способе управления экономикой, путём создания корпораций. Здесь чётко прослеживается, что Мао сравнивал конфуцианскую правовую систему с правовой системой Италии времен Бенито Муссолини. А великий кормчий сам мог узреть такую практику на китайской земле — политика Чан Кайши, лидера Гоминьдана, в управлении Китаем.

Однако, нельзя оценивать влияние легализма, как тождественное влиянию идей культурной революции. Легизм, в понимании учёных этой школы, скорее не идеал, а лишь способ управления, направленный на возвышение монархической власти, обеспечение её стабильности и безопасности. В маоистском понимании — направленность культурной революции на смену и полное уничтожение класса угнетателей угнетаемыми. Также существенным различием была направленность политики маоизма и легализма. Легизм исповедовал строгую классовость. Двери для людей из низших классов в светлое будущее и хорошее настоящее были закрыты так же плотно, как и двери Запретного Города. Маоизм же обеспечивал бесклассовость и политику социальных лифтов.

Как же влияет гремучая смесь легализма и маоизма на современную китайскую правовую систему? Первым делом стоит отметить, что именно партия, как и во времена Мао, так и в современности, является главнейшим арбитром в решении всех споров. Негласно, тайно, но чётко руководит Компартия всеми процессами жизни в стране. В соответствии с докладом «Review of China» Совета по правам человека ООН, данными Amnesty International и «Докладом о состоянии прав человека в Китае» от 28.02.2004 положение дел не соответствует тому, что нам показывают официальные СМИ. Китай придерживается довольно жестких коммунистических заветов.

За пределами зон свободной экономической торговли, посетивший КНР турист попадает в «затерянный мир коммунизма». Какие направления деятельности китайских властей выдают в них последователей китайской культурной революции и Великого кормчего:

1. Власти КНР контролируют все виды СМИ. Если это не государственное издательство, то как минимум Акционерное общество с единственным мажоритарием — государством.

2. Китайский файерволл, наподобие Великой китайской «волл» надежно охраняет КНР от влияния извне. Стоит отметить, что система чрезвычайно гибкая и довольно быстро реагирует на новые угрозы. Здесь опять можно увидеть корни в китайской истории. Подобно «почтовым законам» императорского Китая, КНР ревностно охраняет свою интернет-безопасность. Вдобавок, ход криптовалюты в Китае запрещён. Каким образом китайским властям удалось разбить технологию распределённых реестров и анонимных кошельков, неизвестно.

3. Знаменитый закон о рождаемости. Стоит отметить, что закон не носит декларативного характера, и за его нарушение последуют суровые санкции в виде стерилизации или принудительного аборта.

4. Принуждение к труду и реабилитация путем усердного труда — явный отголосок идей Вождя.

5. Отсутствие выборов, в демократическом плане. Система советов подобна огромной государственной пирамиде, где каждый последующий элемент избирается предыдущим. Маоистские идеи в данном случае полностью воплощены в реальность. Однако, здесь между сторонниками различных правовых школ могут возникнуть прения по поводу демократичности данной системы. Если вспомнить, то система выборов президента в США тоже имеет пирамидальную структуру. Вдобавок, китайские депутаты действуют по принципу «императивного мандата» и могут быть отозваны в случае неудовлетворения запросов избирателей.

В сфере уголовного права Китай выделяется особой жестокостью наказаний и частотой применения «вышки». Это обуславливается как раз совпадением идей Мао и легистов — любое нарушение закона есть посягательство на государственную (народную) власть, есть измена существующему порядку. Такое страшное преступление должно караться не

менее сурово. В соответствии с докладом Amnesty International, смертная казнь предусмотрена за совершение 46 видов преступлений. В год казнят порядка 5000 человек. Однако, китайский принцип «фа» как выражение справедливости, не даёт о себе забыть. Ст. 49 запрещается применять смертную казнь к лицам, которым на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. Ст. 50 гласит, что «за действительно серьёзное искупление вины» высшая мера наказания может быть заменена сроком пожизненного заключения. Легизму и маоизму при государственном устройстве свойственно избавляться от разлагающих общество элементов.

В заключение стоит заявить, что под влиянием культурной революции Китайская правовая система сделала крутой поворот. Однако именно в КНР данный поворот не стал миной замедленного действия, заложенной под основы государственности, как это было в СССР, Румынии, Польше и других социалистических странах. Там это было чуждо и ново, поэтому процесс происходил настолько болезненно. В Китае, и азиатском регионе в целом, идеи социализма, как верха государственности и права, не новы. Семена упали в плодородную почву. Легизм и маоизм сейчас являются ключом к пониманию китайского правосознания, ведь без этого ключа двери в Китай для вас закрыты. Представляется возможным заявить, что Культурная революция 1966–1969 гг. — вторая китайская культурная революция. Цинь Шихуанди 2000 лет назад уже реформировал китайское общество. И Мао, подобно древнему императору, снова вернул легизму главенствующее положение. Теория Мао о постоянной революции приобретает неожиданный вид при проектировании её на китайскую историю. Революции с перерывом почти в 2000 лет служили, как оказывается, одной цели — изменению права, в его целостном понимании. Китай будет и дальше менять названия, правителей и идеологии, однако, влияние культурных революций на его правовую систему «это всерьёз и надолго».

Источники и литература

Fu Zh. China’s Legalists: The Earliest Totalitarians and Their Art of Ruling, 1996.

Rummel R. J. Death by Government. 2011.

Sources of Chinese Tradition / Comp. by Th. De Bary, Wing-Tsit Chan and B. Watson. Vol. 1. 1960.

Н.Е. Богданов, А.С. Сафронов

Революционное значение Мэйдзи Исин в истории Японии

Процесс перехода страны от феодального общества к капиталистическому (модернизация общества), в разных странах проходил неодинаково. В некоторых странах Европы этот процесс занял столетия. На Востоке, где все социальные и политические процессы не укладываются в рамки западных и европейских научных схем, подобного рода процессы весьма отличались от европейских. В наиболее яркой форме их можно проследить на примере Японии второй половины XIX в. — это переход токугавской Японии, представлявшей военно-феодальную диктатуру сильнейшего в экономическом, военном и политическом отношении. С момента реставрации Мэйдзи в стране восходящего солнца не произошло ни одного крупномасштабного реформирования общества, которое бы затронуло истоки японского народа. Исходя из этого, можно выделить революционное значение Мэйдзи Исин в истории Японии[1].

Стоит заметить, что сам процесс перехода от феодализма к капитализму произошёл довольно быстро — сыграли два важных фактора: кризис феодальной власти, причём всеобъемлющего характера, так как он затрагивал все стороны политической и экономической жизни государства, а также вмешательство и давление со стороны стран Запада.

Сложившаяся ещё в XII в. уникальная по своему характеру система сёгуната уже на рубеже XVIII–XIX вв. вступила в эпоху кризиса. Следует отметить уникальность такого исторического явления, представляющего собой наследственную военную диктатуру, при которой политическая власть фактически принадлежала крупнейшему феодальному дому. При этом Император продолжал существовать, ему отдавались некоторые почести, но фактически его существование было номинальным. Кризис системы был вызван, прежде всего, политикой, проводимой сёгунатом с начала XVII в. под названием «закрытие Японии». Из страны были изгнаны испанцы, португальцы, а позже иностранцам был полностью запрещён въезд в страну и внешняя торговля. Для достижения полной изоляции в 1637 году под страхом

[1] *Тояма С.* Мейдзи исин : (Крушение феодализма в Японии) / Перевод с японского В.П. Алексеева. М., 1959.

смерти для всех жителей страны был запрещён выезд из страны, а также строительство больших судов, способных совершать дальние плавания. Главной причиной проведения подобной политики закрытия была попытка предотвращения угрозы потери политической независимости Японии. Ещё одним важным фактором, который способствовал процессу «закрытия Японии», явилось быстрое и довольно эффективное распространение христианской религии в Японии. Вполне естественная реакция — «закрытие» — страны конфуцианской морали на вторжение новой для Востока, совершенно иной по своей сути, религии. В исторической литературе описывается случай, когда военный и политический деятель, известный также как объединитель Японии, Тоётоми Хидэёси принимал капитана испанского корабля, который показал ему карту территорий, принадлежавших королю Испании Филиппу II. Хидэёси был удивлён размерами территорий, и его заинтересовало, каким образом король Испании смог их завоевать. Капитан корабля объяснил, что Филипп II сначала посылал миссионеров в чужие страны для обращения населения в христианство, после чего туда отправлялись солдаты для завоевания. После этого разговора Хидэёси решил полностью искоренить христианство в стране.

«Закрытие» Японии имело и свои положительные стороны: развитие внутреннего рынка, выработка модели ведения дел и этики деловых отношений. Это привело к достаточно длительному периоду стабильности. Однако к началу XIX в. политическая система сёгуната стала причиной стагнации в обществе. Отстранённое от мировых процессов, правительство (бакуфу) проводило политику осознанного консервирования существовавших феодальных отношений с помощью установления строгой иерархической системы. Со временем сложилась антисёгунская коалиция, состоявшая из представителей практически всех слоёв общества, включая придворную знать «кугэ» и высшее самурайство.

Во второй половине XIX века начался процесс «открытия» Японии. В 1854 г. был заключён вынужденный японо-американский договор о мире и дружбе. Этот договор стал прототипом для заключения аналогичных договоров с другими странами: японо-английский договор в октябре 1854 г. и русско-японский в январе 1855 г., договор с Голландией в 1856 г. и Францией в 1858 г. Отсюда вытекает важный и проблемный вопрос: каким образом Японии удалось избежать участи Китая и не превратиться в колонию.

Некоторые историки выделяют следующую причину: в XIX веке всё внимание ведущих колониальных держав — Англии и Франции — было поглощено Китаем, более богатой и привлекательной страной. Япония же не представляла большого интереса ни как рынок готовой продукции, ни как источник сырья для промышленности[1].

Правительство (бакуфу) столкнулось с реальной внешней угрозой и после «открытия» страны переживало состояние паралича власти. Наблюдался серьёзный рост цен на товары, позже он стал катастрофическим. Происходило увеличение налогов и принудительных займов, что приводило к росту крестьянских восстаний и увеличению хаоса в стране.

Началом революционных событий послужило подавление выступления правительственными войсками княжеств Тёсю и Сацумы. Сёгунат не в силах был больше осуществлять власть, поэтому сёгун Ёсинобу отрекся от престола 3 января 1868 г., заявляя, что это является необходимым условием в сложившейся ситуации. Этот переворот в Японии носил мирный характер: во-первых, он осуществился без непосредственного участия народных масс. Исключением составили недолговременные столкновения самурайских армий из-за отказа сёгуна подчиняться императору, известные как «Война Босин». Не было открытого военного столкновения с Англией и США. Во-вторых, изменения коснулись не только государственной системы, но и менталитета японского народа. 6 апреля 1868 года, во время инаугурации, Император произнёс речь, в содержание которой вошли пять принципов (создание совещательного совета; обеспечение процветания страны путём объединения усилий правителей и управляемых; дозволение людям осуществлять свои законные стремления; устранение всех традиций и обычаев, признанных «бессмысленными»; поиск знаний во всем мире для основы государства), определивших судьбу Японии вплоть до сегодняшнего дня и положивших начало значительным изменениям в истории страны[2].

Начавшаяся в Японии в конце 1860-х гг. борьба между сёгунатом и антисёгунским движением была связана в основном не с вопросом проведения реформ, а с тем, кто их будет проводить. Под лозунгом восстановления власти Императора осуществляется объединение

[1] *Мазуров И.В.* Япония на пути модернизации. Хабаровск, 2006.

[2] *Жуков А.Е.* История Японии. Т. II. 1868–1998. Москва, 1998. С. 26–29.

реформаторских сил на основе такой идеи, которая обосновывалась религиозной традицией. Даймё видели в культе тэнноизма движущую силу консолидации японской нации перед внешней угрозой, опасаясь, что Японию постигнет участь полуколониального Китая. Правящие круги Японии в ходе проведения реставрации решали, таким образом, две задачи: во-первых, общенациональную задачу защиты страны от потери ею суверенитета. Сохранились основополагающие консервативные ценности японского общества. Во-вторых, задачу на перевод революционного движения в русло реформ, обновляя устройство с учетом традиций народа Японии, осуществляя рецепцию различных управленческих элементов из Европы. Таким образом, формировалась японская национальная идентичность, которая поддерживала чувства национального достоинства, идею божественного происхождения нации, персонифицированного в императоре (тэнно). Она поддерживала политическую преемственность и духовное единство и осуществляла модернизацию всего общества, не затрагивая духовные ценности японской нации.

Разработка Конституции Японии 1889 г. сопровождалась изучением западноевропейского законодательства, и в конечном итоге главный законодательный акт представлял собой переложение принципов, заимствованных из Конституции Пруссии 1850 г. Формальное закрепление буржуазно-демократических прав и свобод не могло изменить консервативный настрой общества, но эта Конституция стала определенным шагом вперед по пути демократизации общества.

Одной из первостепенных задач ставилась ликвидация феодальных прав на землю. В результате административной реформы земля превратилась в отчуждаемую капиталистическую собственность, облагаемую единым поземельным налогом. Прежние удельные княжества реорганизовались в префектуры. Это явилось одним из главных условий развития внутреннего капиталистического рынка[1].

В период проведения социальных реформ произошло уравнивание в правовом положении хэйминов и самураев. Капиталистическому развитию страны способствовала ликвидация всех ограничений на развитие торговли, феодальных цехов и гильдий, тарифных барьеров между провинциями,

[1] Там же. С. 39–46.

упорядочение денежной системы. В 1871 г. введено свободное перемещение по стране, свобода выбора профессиональной деятельности. Многие стали заниматься сельским хозяйством. Однако большая часть подалась в коммерцию и быстро обанкротилась из-за отсутствия предпринимательских навыков.

Армия впервые начала формироваться по рекрутской повинности и по французскому образцу. Все мужчины, достигшие 20-летнего возраста, были обязаны проходить службу в армии независимо от своего социального происхождения. Из-за потребности в создании новейшей на тот момент армии понадобились консультанты из стран Запада, в частности Франции и США. Командующий состав в новой армии замещался самураями[1].

Процесс происходящих в стране изменений часто называют реставрацией Мэйдзи, но также в истории превалирует понятие «революция». Здесь появляется проблема применения данных понятий к периоду Мэйдзи и их соотношение. Понятие «реставрация» может применяться, поскольку вся политика сводилась именно к реставрации монархии, и последующая вооружённая борьба велась за утверждение прерогатив Императора как верховного правителя государства. Вместе с тем, последствия изменений в Японии имели поистине революционный характер.

Открывая капиталистический путь развития и способствуя ускоренной модернизации, они радикально изменили структуру японского общества и определили дальнейший путь развития страны. Авторам кажется верным говорить о том, что основы процветания современной Японии были заложены свержением сёгуната и последующими реформами, осуществлёнными новой властью.

Реставрация Мэйдзи ознаменовала собой возвращение к правлению Императора как к древней, истинной традиции. Это вполне соответствовало духу японской истории, в которой прослеживается принцип преемственности, когда новые элементы, как правило, добавляются к старой структуре, при этом не разрушая её, сосуществуя с ней. Если в странах Запада новая ступень развития достигалась отрицанием предыдущей, то в Японии как раз путём обновления традиций — Исин.

[1] Там же. С. 46–50.

Японская модернизация в период Мэйдзи осуществлялась через посредство элиты нации. Население непосредственно не сталкивалось с представителями западной цивилизации и получало новую информацию и знания, которую переводили на японский язык. Именно поэтому движение общества в сторону Запада и его европеизация не порождали в сознании японского народа отторжения, а тем более стоит отметить, что некоторые западные концепции были близки японским традиционным взглядам (концепция позитивизма). Интересным представляется прагматизм японцев, позволивший им довольно успешно ответить на вызов Запада и быстро провести относительно эффективные реформы. Объяснить это можно тем, что японский народ на протяжении своей истории заимствовал культурные достижения других народов (большую часть из Китая), и потому смог быстро переориентироваться на новый их источник, при этом сохранив японскую национальную самобытность.

Период правления Мэйдзи сформировал культурное основополагающее начало японской нации. С 1947 г. 3 ноября отмечается День Культуры, а до принятия Конституции 1947 г. этот праздник назывался «День рождения Мэйдзи». Смена названия отражала новые политические взгляды государства, нацеленные на развитие культуры нации «в духе идеалов свободы и мира».

В этот день около пяти тысяч человек получают правительственные награды за вклад в развитие культуры (не только японцы, но и иностранные граждане, оказавшие позитивное влияние на укрепление отношений своей страны с Японией или достигшие определенных достижений в японоведении). Высшие награды вручает сам Император на специальной церемонии, награды рангом ниже — члены правительства. Уже традиционными стали различные развлекающие мероприятия для домов престарелых, школьные культурные фестивали и утренники (бункасай). Школьные праздники могут и не проходить непосредственно 3 ноября, но обычно не больше чем за или после двух недель от этой даты.

Элемент исторического компромисса в событиях (компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления японского общества), связанных с Мэйдзи Исин, наряду с особенностями экономической и социальной структуры Японии тех лет предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении на длительный срок

натуральной арендной платы в деревне, помещичьей собственности на землю, полуфеодальных условий труда на предприятиях. Консерваторы согласились с обновлением в определенных областях общественной жизни, а сторонники обновления, в свою очередь, избрали путь обновления социальной системы при сохранении и поддержании традиций. Тем не менее, именно благодаря процессу Мэйдзи Исин сформировалась японская национальная идентичность, был открыт путь к широкомасштабной модернизации и полностью предотвращена угроза потери национальной независимости Японии[1]. Изменения японского общества в период Мэйдзи стали большим прорывом в будущее. Японские реформы этого периода имели столь значительный для страны, и даже революционный характер, что многие российские (советские) историки оценивали эти события как «незавершенную буржуазную революцию».

Источники и литература

Жуков А.Е. История Японии. Т. II. 1868–1998. Москва, 1998.

Мазуров И.В. Япония на пути модернизации. Хабаровск, 2006.

Тояма С. Мейдзи исин : (Крушение феодализма в Японии) / Перевод с японского В.П. Алексеева. М., 1959.

Е.А. Горбатова

Трансформация правовой системы США в результате освободительной войны 1775–1783 гг. английских колонистов против метрополии

На протяжении длительного периода времени метрополия была заинтересована в существовании колоний, как в источнике гарантированного обширного рынка сбыта готовых изделий английского производства и поставщике ценнейшего сырья, которое либо потреблялось в самой Англии, либо перепродавалась с большой прибылью в страны континентальной Европы. Выбранная экономическая политика метрополии лишила североамериканских колоний возможности самостоятельно развивать свою экономику. В связи с этим в 60-е гг. XVIII в. колонии выдвигали требования об отмене несправедливого налогообложения и создании в английском

[1] *Жуков А.Е.* История Японии. 703 с.

парламенте колонистского представительства. Чрезвычайно высокие ввозные пошлины Англии привели к тому, что колонии были вынуждены заниматься контрабандой, производя торги между собой, Великобританией и третьими странами. Попытки наладить внеэкономическую эксплуатацию тринадцати колоний оказались серьезной помехой для нормального развития англо-американских торговых отношений и, в конечном счете, пошли во вред промышленности метрополии. После Семилетней войны 1756–1763 гг. лорд Литтлтон с тревогой констатировал: «Мы добились внешнего мира. Однако, похоже, что война может вспыхнуть внутри страны»[1].

К весне 1775 г. в колониях сложилась революционная ситуация: весть о кровавых событиях в Лексингтоне и Конкорде была воспринята колонистами как повод для борьбы против метрополии за свободу и независимость, а потому усиливалось антианглийское и общедемократическое движение, началось формирование вооруженных отрядов, сбор оружия и амуниции. Так 19 апреля 1775 г. стало началом вооруженной освободительной борьбы против метрополии, которая существенно изменила систему управления, форму государственного устройства и само законодательство тринадцати колоний.

В конце XVII — начале XVIII вв. система британского колониального управления была узурпирована Короной метрополии. Территория делилась на три части: а) территории, принадлежавшие частным владельцам (Делавэр, Пенсильвания, Мериленд); б) территории — республики, в которых избирались все органы управления (Коннектикут и Род-Айленд); в) территории, принадлежавшие британской короне и правовой статус которых определялся колониальными хартиями (договоры между акционерами компаний и Британской короной) (Массачусетс, Виржиния, Нью-Джерси)[2].

В 1765 г. после Семилетней войны 1756–1763 гг. для частичного покрытия понесенных убытков и реорганизации британской армии английским парламентом был принят Акт о Гербовом сборе (закон о налогообложении). Согласно данному акту в пользу Короны облагались штемпельным сбором все торговые сделки и соглашения, оформление

[1] *Зубок Л.И.* Очерки истории США (1677–1918). М., 1956. С. 136.

[2] *Батыр К.И., Исаев И.А.* История государства и права зарубежных стран / 5-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 259.

гражданских и юридических документов и многое другое. Реакция колоний не заставила себя долго ждать: начались митинги, первый Континентальный конгресс объявил бойкот английскому рынку производства, а Гербовый акт расценивался как «подрывающий права и свободу колонистов». Чтобы не допустить дальнейшего обострения обстановки, в 1766 г. закон о налогообложении был отменён.

Накануне войны, 5 сентября 1774 г. начинал работу 1-й Континентальный Конгресс в Филадельфии — съезд депутатов от двенадцати (из тринадцати) американских колоний Великобритании в составе 55 делегатов. Причиной созыва стали законы, принятые британским парламентом для квалифицированной борьбы с обострившимся сопротивлением американских колоний. Депутатами первого Конгресса был выработан ряд значимых документов для того, чтобы добиться самоуправления в колониях («Декларация прав и жалоб», протест против таможенной и налоговой политики метрополии). В ответ на деятельность депутатов Конгресса Английское правительство начало военные действия. Так, 10 мая 1775 г. начал работу Второй Континентальный Конгресс — съезд депутатов от тринадцати американских колоний Великобритании, который констатировал состояние войны с Англией и фактически взял на себя роль национального правительства. Была начата война за независимость, колонии провозгласили себя независимыми республиками.

В 1776 г. третьим Континентальным Конгрессом была принята Декларация независимости Т. Джефферсона [1], состоящая из трех частей. Первая часть закрепляла: 1) право — притязания (право на жизнь) и равноправие людей; 2) право утверждения народом правительства для обеспечения провозглашенных прав; 3) право изменять или распускать правительство, посягающее на эти права. Вторая часть включала в себя те нарушения, которые проявляло английское правительство по отношению к колониям. Третья часть объявляла о прекращении зависимости колоний от метрополии, а также о признании каждой колонии самостоятельным и независимым государством. Идея «договорного» образования государств и провозглашение в декларации идеи «народного суверенитета» являлось

[1] *Согрин В.В.* Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М., 1989. С. 42.

несомненным достижением войны за независимость как социальной революции.

В период военных действий важнейшую роль для будущего политического устройства колоний, помимо Декларации независимости, сыграла первая конституция штатов 1782 г., а именно — статьи конфедерации. Конституция провозглашала Конфедерацию США, т.е. союз (срок действия не определён) самостоятельных государств. Существование союза подразумевалось до тех пор, пока из Америки не были бы выведены британские войска. Согласно статьям конфедерации, штаты сохраняли суверенитет, свободу и независимость. По конституции 1782 г. Конгресс Соединенных штатов — единственный полномочный орган, который был наделён правом осуществлять свою власть на территории всей страны. Исключительным правом конгресса было: разрешение вопросов войны и мира; заключение международных договоров и союзов; решение в мирное время вопросов о репрессиях; контроль над денежным оборотом [1].

По Конституции 1787 г. США были провозглашены федерацией, в которой установлен принцип разделения центральной власти на законодательную, исполнительную и судебную[2]. Законодательная власть — Конгресс, состоящий из двух палат: Сенат (верхняя палата) — избирался членами законодательных собраний штатов; Палата представителей (нижняя палата) — избиралась самим населением штатов. Исполнительная — Президент (глава государства, который избирался коллегией выборщиков), Правительство (включало высшие должностные лица в государстве), Департамент (военный, государственный и финансовый). Судебная власть — Верховный суд (назначается президентом и сенатом пожизненно), он толковал конституцию и объявлял недействительными противоречащие конституции законы федерации штатов[3].

В 1789 г. американский конгресс был вынужден дополнить конституцию «биллем о правах», т. е. принять десять поправок, провозглашавших свободу слова, печати, совести, право носить оружие и ряд других свобод. «Билль о

---

[1] *Севостьянов Г.Н.* Война за независимость и образование США. М., 1976. С 280.

[2] Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Пер. с англ.; сост. В.И. Лафитский; ред. и вступ. ст. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 57.

[3] *Белоусов В.Г., Глушаченко С.Б.* История государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 99.

правах» органически дополнил федеральную конституцию, в которой отразились такие тенденции в становлении независимого американского государства как: стремление буржуазии и плантаторов всячески ограничить завоевания революции и активная деятельность народных масс, благодаря которой была одержана победа в войне за независимость[1].

Таким образом, событиям, произошедшим в период войны за независимость, было посвящено огромное количество специальных монографических исследований, документов и материалов, потому что именно эти события положили начало истории США как суверенного государства[2]. В ходе революции были ликвидированы многие существенные элементы феодализма, начали развиваться производительные силы и национальная экономика колоний, а также решались задачи по освобождению американцев от колониальной зависимости Великобритании и вопросы превращения провинций в централизованное суверенное государство. Война за независимость и образование США оказали влияние на международные отношения, политику и дипломатию европейских государств. Молодая республика установила дипломатические отношения с рядом европейских стран. США провозгласили политику нейтралитета, а их внешнеполитическая деятельность была направлена на защиту и отстаивание политической независимости и суверенитета страны, ее экономической самостоятельности.

Источники и литература

Батыр К.И., Исаев И.А. История государства и права зарубежных стран / 5-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

Белоусов В.Г., Глушаченко С.Б. История государства и права зарубежных стран: Учеб. пособие / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

Зубок Л.И. Очерки истории США (1677–1918). М., 1956.

Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. Начальный период истории США. М., 1963.

Севостьянов Г.Н. Война за независимость и образование США. М., 1976.

Согрин В.В. Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М., 1989.

Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Пер. с англ.; сост. В.И. Лафитский; ред. и вступ. ст. О.А. Жидкова. М., 1993.

[1] *Севостьянов Г.Н.* Война за независимость… С 493.

[2] *Самойло А.С*. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. Начальный период истории США. М., 1963. С. 211.

ЧАСТЬ II
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.В. Махмутова

Суфражистки в России: как элитарное движение привело ко всеобщему избирательному праву

«Перед нами — женщинами-суфражистками — стоит великая миссия, величайшая миссия, которую мир когда-либо знал. Освободить половину человечества»
Эммелин Панкхерст

Данное исследование посвящено русскому суфражизму. Безосновательны, между тем, по мнению автора, попытки искусственным образом поместить глобальное движение индустриальной эпохи в узкие рамки одного государства, в особенности если преследуемая цель состоит в понимании того, что послужило толчком к формированию движения, стало его предтечей и мотивацией для дальнейшего расширения и распространения. В силу этого автор считает необходимым, установив связь между Декларацией прав женщины и гражданки 1791 года и Всеобщей декларацией прав человека 1948 года, определить роль русского суфражизма в мировой истории. Более частный вопрос звучит так: каковы причины расширения и политизации движения городских жительниц России, превращения женских обществ вспомоществования, целями которых были прежде всего образование и работа, в социально-политические формирования, приведшие к признанию Временным правительством всеобщего избирательного права?

Прежде всего, следует прояснить, почему изучение данных, на первый взгляд, сугубо историко-правовых вопросов, релевантно в наши дни.

Обратимся к Конституции Российской Федерации (далее - Конституция), ст. 19 которой гласит: «Все равны перед законом и судом». Это коррелирует с положениями, закрепленными в ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция) и запрещающими

любую, в том числе по признаку пола, дискриминацию[1]. В целом, принцип недискриминации и равенства всех перед законом является фундаментальным для права в целом. Так, он был закреплен в статье 7 Всеобщей декларации прав человека[2].

При этом, несмотря на универсальность формулировки, она была конкретизирована в ч. 3 уже упомянутой ст. 19 Конституции РФ: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Почему же данное уточнение понадобилось в 1993 году? почему впоследствии (в 1996 г.) Правительством была утверждена действующая вплоть до настоящего времени Концепция «улучшения положения женщин в Российской Федерации»[3]? Уместно провести параллель с Международным пактом о гражданских и политических правах, авторы которого в ст. 3 [4] указывают на необходимость обеспечить, гарантировать равенство мужчин и женщин при пользовании гражданскими и политическими правами. Более того, уже после основания в 1945 году Организации Объединенных Наций (далее — ООН) в 1979 году была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[5], за соблюдением которой наблюдает соответствующий Комитет ООН[6], а в

[1] Council of Europe. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 1950. Art.14. P. 13.

[2] United Nations General Assembly. Universal Declaration of Human Rights. Paris, 1948. Art. 7.

[3] Постановление Правительства РФ от 08.01.1996 № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» [ред. от 26.07.2004] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 185.

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН], статья 3 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 17. Ст. 291.

[5] Организация Объединенных наций. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Нью-Йорк, 1979. URL: https://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения — 14.05.2019).

[6] Организация Объединенных Наций. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Официальный сайт. URL: https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cedaw/pages/cedawindex.aspx (дата обращения — 15.05.2019).

период с 1975 по 1995 гг. были организованы четыре Всемирные конференции по положению женщин[1].

Все перечисленные достижения последних десятилетий — это, без преувеличения, огромный шаг вперед для всего человечества. Тем не менее, сама необходимость из раза в раз предпринимать новые меры для достижения гендерного равенства говорит о том, что оно до сих пор не стало презумпцией. И это реальность не только стран так называемого «третьего мира» или государств с сильным влиянием религиозных догматов, но в том числе Российской Федерации, в которой, например, с 2000 года действует Постановление Правительства «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» (перечень включает в себя 456 видов работ) [2]. По оценке Международного экономического форума, основывавшейся на опыте предыдущих 83 лет, гендерный разрыв, существующий ныне, может быть полностью преодолен лишь в течение следующих за годом публикации исследования (2017 г.) 100 лет [3]. Это означает, что борьба еще не окончена.

Но с чего же все начиналось?

В 1948 г. в Париже Элеонора Рузвельт сказала: «Этим вечером я пришла поговорить с Вами об одном из наиболее значимых вопросов нашего времени — о сохранении свободы человека. Я выбрала в качестве места для нашей дискуссии Францию, Сорбонну, потому что здесь, на этой почве, корни человеческой свободы уже давно проникли глубоко... Именно здесь была провозглашена Декларация прав человека, и великие лозунги

[1] Организация Объединенных Наций. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин // Конференции, заседания и мероприятия. 1995. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/women_conf_beijing_1995.shtml (дата обращения — 14.05.2019).

[2] Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 10. Ст. 1130.

[3] World Economic Forum. The Global Gender Gap Report. Cologny / Geneva, Switzerland. 2017. P. VIII.

Французской революции — свобода, равенство, братство — зажгли воображение людей»[1].

Это прекрасная речь. Но она совершенно не учитывает того, что упомянутая Декларация, провозгласившая права человека и гражданина, а затем и Конституция 1791 г., утвердившая право граждан избирать и быть избранными, никак не повлияли на факт непризнания ни органами государственной власти, ни обществом данных прав в отношении женской части населения[2]. Никого при этом не озаботил и тот факт, что знаменитый поход на Версаль 5 октября 1989 г. возглавили женщины Парижа и его предместий. Более того, радужные формулировки этих, вне всякого сомнения, революционных для своего времени документов вовсе не упраздняли имущественного ценза, сохранение которого, по сути, нивелировало вклад простых граждан во Французскую революцию.

В ноябре 1789 г. женщины направили в Национальную Ассамблею петицию с требованием признать гендерное равенство на законодательном уровне[3]. Данная петиция так и не была заслушана, что, однако, не отменяет ее значимость для развития суфражистского движения во всем мире. Игнорирование новым государственным строем Франции старых, системных проблем побудило Олимпию де Гуж — писательницу и политического деятеля тех времен — написать в 1791 г. Декларацию прав женщины и гражданки, отвергнутую Национальным Конвентом: «Единственным препятствием осуществлению женщиной своих естественных прав является вечная тирания мужчины»[4]. В 1793 г. О. де Гуж была казнена якобинцами[5].

Почему даже французский революционный радикализм не смог вывести государственное регулирование и общественную мысль за пределы мужского доминирования во всех сферах социальной интеракции?

При традиционном укладе жизни, господствовавшем вплоть до промышленной революции, идея о представлении женщин их отцами,

---

[1] *Roosevelt E.* The Struggle for Human Rights. Paris, 1948. P. 1.

[2] *Briatte A.-L.* Women’s right to vote // Encyclopédie pour une histoire nouvelle de l'Europe [online]. 2016. URL: http://ehne.fr/en/node/1226 (дата обращения — 16.05.2019).

[3] Women's Petition to the National Assembly // Liberty, Equality, Fraternity. URL: http://chnm.gmu.edu/revolution/d/629 (дата обращения — 20.05.2019).

[4] *De Gouges O.* Les droits de la femme. A la Reine. Article IV. Paris, 1791. URL: https://www.olympedegouges.eu/rights_of_women.php (дата обращения — 20.05.2019).

[5] *Коган П.* Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. 2. М., 2019. С. 103.

мужьями, братьями была доминирующей, и, более того, с ней соглашались сами женщины. Это объяснялось концепцией экономической и интеллектуальной самостоятельности субъекта гражданских и политических прав, которыми, по мнению теоретиков, женщина не обладала и обладать не могла[1]. На протяжении столетий вся деятельность и активность женщины была сосредоточена исключительно на противопоставлявшейся публичной домашней, внутрисемейной сфере и не выходила за ее пределы.

Однако модернизация решила иначе. Важно понять, что у истоков политического движения за всеобщее избирательное право (а после его обретения — за ликвидацию всех форм дискриминации женщин) стояли прежде всего экономические факторы. Внедрение машин в производство нанесло «удар экономической деятельности женщины в семье»[2], в то же время создав возможность для ее самореализации в обществе. Массовое обеднение населения вследствие войн и революций, аристократии — вследствие неспособности приспособиться к новым реалиям, в частности, в ведении хозяйства, привели к росту числа одиноких женщин, поставленных перед необходимостью обеспечивать себя самостоятельно и вне дома[3]. В этих новых условиях они впервые предприняли попытку осмыслить свои действительные возможности и свое положение в обществе.

В Россию промышленная революция пришла много позже, а потому трансформация борьбы за экономическую эмансипацию женщин в гражданскую и политическую произошла лишь на рубеже XIX и XX вв. Отдельную роль сыграла крестьянская реформа 1861 г., в результате которой многие имения, не адаптировавшиеся к переменам, оказались разорены: женщины из таких семей тоже переезжали в крупные города в поисках заработка. Урбанизация набирала обороты. Это совпало с общей тенденцией либерализации при Александре II (судебная, земская и др. реформы[4]). В столице, других крупных городах возникали женские кружки. Но эта сфера

[1] *Briatte A.-L.* Women's right to vote.

[2] *Королева Т.В.* Женское движение в годы Великой французской революции // Метаморфозы истории. Вып. 2. 2002. С. 171.

[3] *Юкина И.* Как в Петербурге появились первые движения за равноправие и почему они стали элитарными. Интервью // Бумага. 2018. URL: https://paperpaper.ru/rus-fem/ (дата обращения — 20.05.2019).

[4] *Ершов М.Д.* Земская реформа в связи с государственным избирательным законом. М., 1907. С. 7.

общественной мысли по-прежнему оставалась привилегией элиты — представительниц (и представителей) высших слоев общества[1]. Многие из них уезжали за границу.

Пытаясь найти себе применение в трудовой деятельности, женщины осознавали важность образования. Созданный при Екатерине II Смольный институт благородных девиц делал акцент не на академические знания и подготовку профессионалов в своей отрасли, но на Закон Божий и домашнюю экономию[2]. Более того, он был императорским благотворительным проектом и не подчинялся Министерству народного просвещения. Лишь с 1858 г. начали создаваться всесословные женские училища[3]. Многие из них впоследствии преобразовывались в гимназии. Этот процесс был запущен благодаря труду выдающихся педагогов и просветителей, среди которых были педагог-интернационалист И.Я. Яковлев и директор народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянов — отец В.И. Ленина. Развитие женского образования способствовало «расширению контингента учителей»[4]: одной из немногих перспектив для выпускниц гимназий было получение звания домашней учительницы, позволявшее поступать на работу в частные дома[5]. Университеты при этом долгое время оставались недоступными: лишь со второй половины XIX в. женщин допустили в качестве слушательниц. Впоследствии своего рода заменой университету выступили высшие женские курсы — например, Бестужевские[6]. Первым же высшим учебным заведением,

---

[1] *Лехаткова Т.* Равноправки, феминистки, революционерки: каким было женское движение в Российской империи // Нож. 2018. URL: https://knife.media/feminism-in-russian-empire/ (дата обращения — 21.05.2019).

[2] *Мордвинова З.Е.* Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764—1796) // Исторический вестник. 1914. Кн. 6. Т. CXXXVI. URL: https://web.archive.org/web/20151101235415/http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=14836 (дата обращения — 21.05.2019).

[3] *Лехаткова Т.* Равноправки, феминистки, революционерки.

[4] *Ефимов А.Л., Сергеев Т.С.* И.Я. Яковлев и И.Н. Ульянов — организаторы женского педагогического образования в Симбирской чувашской школе // Наука и школа. 2011. С. 148.

[5] Российское законодательство об образовании XIX — начала XX века: сборник документов. Т. I / Ред., ст., коммент. Э.Д. Днепрова. М., 2017. С. 189.

[6] Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сб. статей / 2-е изд., испр. и доп.; под общ. ред. С.Н. Валка, Н.Г. Сладкевича, В.И. Смирнова, М.Л. Тронской. Л., 1973. С. 3.

заведением, в котором женщины смогли получать медицинское образование, стал Санкт-Петербургский женский медицинский институт (ныне — Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова)[1].

С течением времени, наряду с идеями о всеобщем равном образовании, доступе к приобретению тех или иных специальностей, все большее распространение получали идеи политические. Женщины стали принимать активное участие в деятельности соответствующих организаций. Общественный резонанс вызвало дело Веры Засулич — народницы, совершившей покушение на убийство петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и полностью оправданной судом присяжных в 1878 г.[2]. Настоящим символом для тогдашней прогрессивной женской общественности стала казненная за цареубийство в 1881 г. Софья Перовская — член организации «Народная воля»[3]. На рубеже XIX–XX вв. женщины оказались вовлечены и в партийную деятельность (широко известны члены российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров Александра Коллонтай и Мария Спиридонова)[4].

Однако, в целом, политизация движения происходила медленнее и была не столь радикальна в сравнении с западными странами, например, Великобританией[5].

Катализатором стали три революции, произошедшие в 1905–1907 и 1917 гг. и подвергшие государственный строй России существенным изменениям. Так, первый женский политический митинг, лейтмотивом которого стало требование всеобщего избирательного права, состоялся в Санкт-Петербурге в 1905 г., в период разработки законодательства о Государственной думе и о выборах в нее. Он был организован Всероссийским союзом равноправия

---

[1] Санкт-Петербургский государственный медицинский университет // Большая российская энциклопедия: проект Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://bigenc.ru/education/text/3533017 (дата обращения — 23.05.2019).

[2] *Кони А.Ф.* Дело Веры Засулич. М., 2015. С. 5.

[3] *Троицкий Н.* Народолюбцы и тираноборцы: «Народная воля» // Россия в XIX веке: Курс лекций. URL: http://scepsis.net/library/id_1497.html (дата обращения — 23.05.2019).

[4] *Владимиров В.Е.* По делу Спиридоновой // Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М., 1996. С. 19.

[5] *Smith H.L.* The British Women's Suffrage Campaign 1866–1928 / 2nd ed., rev. New York, 2014. P. 7.

женщин, который имел множество региональных отделений и чей вклад в успех отечественного суфражистского движения трудно переоценить [1] . Немаловажную роль сыграла и издательская работа активисток, к примеру, в том же 1905 году в издательстве товарищества И.Д. Сытина была напечатана переведенная на русский язык речь Эммелин Панкхерст в парламенте Великобритании, посвященная женскому избирательному праву[2].

Уже в 1908 г. состоялся Первый всероссийский женский съезд, среди делегаток которого были и представительницы рабочего класса[3]. После этого встречи, съезды и обсуждения стали носить регулярный характер, а с приходом в феврале 1917 г. к власти Временного правительства процесс реформ уже было не остановить. Немаловажную роль в этом сыграла активность женщин в ходе революции.

Кульминацией суфражистского движения в России стало Постановление Временного правительства от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», провозгласившее: «Правом участия в выборах гласных пользуются Российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет»[4].

Эпохе бесправия пришел конец.

Источники и литература

Банникова Н.Ф., Миняшев В.С. Всероссийский союз равноправия женщин в борьбе за всеобщее избирательное право в 1905–1907 годах // Самарский научный вестник. 2019.

Владимиров В.Е. По делу Спиридоновой // Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М., 1996.

[1] *Банникова Н.Ф., Миняшев В.С.* Всероссийский союз равноправия женщин в борьбе за всеобщее избирательное право в 1905–1907 годах // Самарский научный вестник. 2019. С. 149.

[2] *Чикалова И.Р.* Великобритания. Осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX — начало XX в.). Минск, 2018. С. 321.

[3] Труды Первого всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С. 169.

[4] Постановление Временного правительства от 15.04.1917 «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». URL: http://emsu.ru/ml/default.asp?c=161&p=1 (дата обращения — 25.05.2019).

Ершов М.Д. Земская реформа в связи с государственным избирательным законом. М., 1907.

Ефимов А.Л., Сергеев Т.С. И.Я. Яковлев и И.Н. Ульянов — организаторы женского педагогического образования в Симбирской чувашской школе // Наука и школа. 2011.

Коган П. Очерки по истории западноевропейской литературы. Т. 2. М., 2019.

Кони А.Ф. Дело Веры Засулич. М., 2015.

Королева Т.В. Женское движение в годы Великой французской революции // Метаморфозы истории. Вып. 2. 2002.

Лехаткова Т. Равноправки, феминистки, революционерки: каким было женское движение в Российской империи // Нож. 2018. URL: https://knife.media/feminism-in-russian-empire/ (дата обращения — 21.05.2019).

Международный пакт о гражданских и политических правах [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН], статья 3 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 17. Ст. 291.

Мордвинова З.Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764—1796) // Исторический вестник. 1914. Кн. 6. Т. CXXXVI. URL: https://web.archive.org/web/20151101235415/http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=14836 (дата обращения — 21.05.2019).

Организация Объединенных Наций. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Официальный сайт. URL: https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/cedaw/pages/cedawindex.aspx (дата обращения — 15.05.2019).

Организация Объединенных наций. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Нью-Йорк, 1979. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения — 14.05.2019).

Организация Объединенных Наций. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин // Конференции, заседания и мероприятия. 1995. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/women_conf_beijing_1995.shtml (дата обращения — 14.05.2019).

Постановление Временного правительства от 15.04.1917 «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». URL: http://emsu.ru/ml/default.asp?c=161&p=1 (дата обращения — 25.05.2019).

Постановление Правительства РФ от 08.01.1996 № 6 «О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации» [ред. от 26.07.2004] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 185.

Постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 10. Ст. 1130.

Российское законодательство об образовании XIX — начала XX века: сборник документов. Т. I / Ред., ст., коммент. Э.Д. Днепрова. М., 2017.

Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сб. статей / 2-е изд., испр. и доп.; под общ. ред. С.Н. Валка, Н.Г. Сладкевича, В.И. Смирнова, М.Л. Тронской. Л., 1973.

Санкт-Петербургский государственный медицинский университет // Большая российская энциклопедия: проект Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://bigenc.ru/education/text/3533017 (дата обращения — 23.05.2019).

Троицкий Н. Народолюбцы и тираноборцы: «Народная воля» // Россия в XIX веке: Курс лекций. URL: http://scepsis.net/library/id_1497.html (дата обращения — 23.05.2019).

Труды Первого всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г., г. Санкт-Петербург) // Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998.

Чикалова И.Р. Великобритания. Осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX — начало XX в.). Минск, 2018.

Юкина И. Как в Петербурге появились первые движения за равноправие и почему они стали элитарными. Интервью // Бумага. 2018. URL: https://paperpaper.ru/rus-fem/ (дата обращения — 20.05.2019).

Council of Europe. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 1950.

Briatte A.-L. Women's right to vote // Encyclopédie pour une histoire nouvelle de l'Europe [online]. 2016. URL: http://ehne.fr/en/node/1226 (дата обращения — 16.05.2019).

De Gouges O. Les droits de la femme. A la Reine. Article IV. Paris, 1791. URL: https://www.olympedegouges.eu/rights_of_women.php (дата обращения — 20.05.2019).

Roosevelt E. The Struggle for Human Rights. Paris, 1948.

Smith H.L. The British Women's Suffrage Campaign 1866–1928 / 2nd ed., rev. New York, 2014.

United Nations General Assembly. Universal Declaration of Human Rights. Paris, 1948.

Women's Petition to the National Assembly // Liberty, Equality, Fraternity. URL: http://chnm.gmu.edu/revolution/d/629 (дата обращения — 20.05.2019).

World Economic Forum. The Global Gender Gap Report. Cologny / Geneva, Switzerland. 2017.

Е. Сковинская

Политико-правовое положение мусульман в Российской империи 1900-1917 гг.

В разные исторические периоды правовое положение мусульманского духовенства в Российской империи было различным. Политика государства по отношению к исламу в разные периоды носила зачастую разнонаправленный характер. С одной стороны, важным направлением конфессиональной политики была ассимиляция мусульман среди господствующей идеологии — христианской. С другой стороны, отношения центральной власти и ислама зачастую строились на началах прагматической

политики, включали в себя сотрудничество с мусульманской элитой и относительную терпимость к исламу[1].

Наибольший вклад в изучение ислама в период существования Российской империи внесли историки Д.Ю. Арапов[2], А.И. Ногманов[3] и Р.Г. Ланде[4]. Они изучали законодательство различных исторических периодов, в основном XVI–XX вв., а также политико-правовые аспекты отношения государства к мусульманам и религиозным общинам и взаимоотношения русского народа с мусульманским населением империи.

Мусульманское население преимущественно проживало на территории Средней Азии, Кавказа и Туркестана. Если рассматривать национальный состав других районов Российской империи, по данным Всеобщей переписи 1897 года и Финляндского ежегодника[5], мусульмане — это татары и горцы. Мусульман насчитывалось 13 829 421 (11%), они занимали второе место по численности лиц различных вероисповеданий, уступая лишь православным, которых насчитывалось 87 384 480 чел. (около 70%)[6].

Статистическим данные, собранные в ходе переписи населения 1897 года, говорят о том, что российское вероисповедное законодательство имело национальную основу. Верхнюю ступень в вероисповедной структуре занимало православие. Далее шли признанные государством христианские исповедания, которые именовались как **«терпимые»** или **«инославные»**: армяно-католическая, римско-католическая, армяно-грегорианская и протестантская (реформаты и лютеране)[7]. Следует отметить, что такая этноконфессиональная структура населения империи во многом предопределила характер реформ в области правового положения ислама.

---

[1] *Раджабова М.А.* Политико-правовое положение мусульман России (XVI — начало XX в.) // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 2009. С. 30–35.

[2] *Арапов Д.Ю.* Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 366.

[3] *Ногманов А.И.* Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI — начале XX века (политико-правовой аспект) // Пути познания истории России: Новые подходы и интерпретация. М., 2001. С. 298–316.

[4] *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 311.

[5] *Андрощук В.В.* Преступления против религии по законодательству России конца XIX — начала XX вв.: дисс…. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 126.

[6] Там же. С. 127

[7] Там же. С. 215.

Профессор М.Е. Красножон выделял пять основных систем государственно-конфессиональных отношений, где Российская империя соответствовала третьей модели. Данная модель включала в себя наряду с одной религией, являющейся господствующей на территории государства, и другие религиозные объединения, которые признавала в определённой степени, например — свободное публичное освещение религиозного культа[1].

Одной из тем научных дискуссий является вопрос о причинах кризиса российской вероисповедной системы и неудачи вероисповедных реформ[2]. В 1902 г. началась разработка государственных преобразований, в том числе церковной политики. Первым результатом преобразования в российской вероисповедной сфере стало издание Манифеста от 26 февраля 1903 г., в котором последователям иноверных и инославных исповеданий предоставлялось право «свободного отправления их веры и богослужения по обрядам оной»[3]. 12 декабря 1904 г. вышел указ Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Данный указ являлся подтверждением правительства о том, что правовые ограничения иноверных и инославных исповеданий будут устранены.

Всё больше возникала необходимость расширения свободы вероисповедания среди неправославного населения. С одной стороны, налицо развитие Российского законодательства в этом направлении, однако в российском праве по-прежнему сохранялся уголовный запрет для отступивших от православного исповедания людей. Это закрепляла статья 185 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно данной статье: «отступивший отсылался к духовному начальству для вразумления, а имущество его бралось под опеку»[4]. Законом не допускалось и не имело юридического признания добровольное отступление от православия. Переход

---

[1] *См.: Сафонов А.А.* Правовой статус и структура административного управления инославных исповеданий в России на рубеже XIX–XX вв. // Материалы международной заочной научно-практической и учебно-методической конференции. Пенза, 2011. С. 215.

[2] *Сафонов А.А.* Правовая доктрина религиозной свободы общественной мысли России в конце XIX — начале XX вв. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. научных статей. Курск, 2010. № 3. С. 337.

[3] *Андрощук В.В.* Преступления против религии… С. 126.

[4] *Сафонов А.А.* Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М., 2011. С. 28–40.

к терпимому вероисповеданию также не имел юридического признания. Юридическое признание имелось только у тех, кто добровольно желал присоединиться к православию. Если это были магометане и язычники, то им разрешалось присоединяться к инославным христианским вероисповеданиям с разрешения губернатора. Духовными лицами «терпимых» конфессий практиковались, с разрешения министра внутренних дел, наставления для магометан и язычников в правилах своей церкви[1].

Идея религиозной свободы личности стала актуальной в начале XX века. Необходимость реформирования законодательства увеличивалась с появлением в 1914 году книги профессора Туринского университета «Религиозная свобода. История идеи»[2]. Исследования оказали огромное влияние на общественно-политическое и правовое сознание населения империи.

В данной работе будут рассматриваться политико-правовые положения преимущественно мусульманского населения империи (далее — магометане), поэтому анализ законодательных актов или законопроектов будет связан только с теми положениями, которые касаются лиц, исповедующих неправославные вероучения.

Деятельность Комитета министров по вопросу расширения веротерпимости происходила параллельно с Первой русской революцией. Народные волнения поспособствовали переходу к провозглашению свободы совести. 17 апреля 1905 г. был разработан Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости»[3].

Указ содержит пять пунктов, которые касаются инославных исповеданий.

П. 1: «...причём отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признаётся принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». Отсюда следует, что органы

---

[1] *Сафонов А.А.* Правовой статус и структура… С. 216.

[2] *Сафонов А.А.* Правовая доктрина… С. 338.

[3] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. М., 2010. С. 36.

власти Российской империи впервые разрешили официально исповедовать нехристианскую веру, причём дают свободу выбора в данной сфере.

П. 3: «Установить, в дополнение к сим правилам (пп. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных». Из данного пункта следует свобода выбора лицом, исповедующим инославную веру, а также официальное исключение из числа православных, т.е. из метрических книг.

П. 11: «Уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков». Если раньше старообрядцы и сектанты подлежали уголовному наказанию за свои религиозные взгляды, то после принятия указа их не только уравняли в правах с инославными исповеданиями, но и разрешили заключать смешанные браки с православными. Теперь они могли издавать религиозную литературу, проводить конференции и съезды и самое главное — владеть имуществом.

П. 14: «Признать, что во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских исповеданий, таковое ведётся на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания, и только при отсутствии их светским учителям того же исповедания». Стоит отметить, что данный пункт прямо касается населения Польши и Финляндии, но при этом косвенно относится и к мусульманскому населению. Позже будут официально созданы медресе и мектебе, находящиеся на территориях Кавказа, Казани, Крыма и Оренбурга, а также в других крупных городах империи, где население преимущественно исповедует ислам.

П. 15: «Признать подлежащими пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания». Ещё один пункт в пользу расширения юридических прав среди инославных вероисповеданий, т.к. мусульманское население живёт по другим законам — шариату, который включает в себя и устройство быта, и условия захоронения, а также смесь национальных традиций с нормами исламского права (адаты). Исследователь Н.М.Коркунов также придерживался мнения о

том, что неправославные исповедания имеют широкий комплекс юридических прав, в отличие от стран Западной Европы[1].

Наряду с указом «Об укреплении начал веротерпимости» было принято высочайше утвержденное 17 апреля 1905 года Положение Комитета Министров «Об укреплении начал веротерпимости»[2]. Для целей настоящей работы особое значение имеют три раздела: I, IV и X. Первый раздел положения определяет общие правила начал веротерпимости, включающие два важных для инославного исповедания пункта:

П. 2: «Признать, что, при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таковом же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии».

П. 3: «…лица, числящиеся православными, но в действительности, исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных».

Следует заметить, что последний пункт полностью совпадает с третьим пунктом указа «об укреплении начал веротерпимости», поэтому данный пункт можно не комментировать. Что касается второго пункта данного положения, то здесь скорее подойдёт термин «веротерпимость», а не «религиозная свобода». Исследователь А.А. Сафонов в своей статье пишет, что в дореволюционной России учёные правоведы отождествляли такие понятия как «веротерпимость», «религиозная свобода», «свобода совести» и «свобода вероисповедания»[3]. Во множественных исследовательских работах можно было прийти к выводу о том, что на тот период существовала только веротерпимость, которая контролировалась государством и регулировалась законодательными актами. Например, далее будут рассматриваться законопроекты думских фракций, которые так и не получили право на реализацию. На мой взгляд, они как раз-таки относятся к понятию

[1] *Сафонов А. А.* Правовой статус и структура… С. 220.

[2] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени.. С. 39.

[3] *Сафонов А.А.* Правовая доктрина… С. 343.

«религиозной свободы» по отношению к мусульманскому населению, а принятые российским законодательством акты — это веротерпимость.

Четвёртый раздел положения предлагает безотлагательно внести на уважение Государственного совета следующие положения: №?Управляющему Министерством юстиции: о согласовании статей 36-39, 56 и 57 Уст. о пред. и пресс. прест., ст. 1006 Уст. угол. суд. ст. 298 и пп. 6 и 8 ст. 725 Общ. учр. губ., и статей 807 и 808 Уст. иностр. исп. с изложенными выше (разд. 1 настоящего положения) правилами, а равно о порядке изменения актов состояния лиц, переходящих в другое вероисповедание, и регистрации таковых переходов»[1].

Следовательно, происходит изменение уголовного законодательства империи. Исследователь В.В. Андрощук в своей диссертации проводит анализ Уголовного уложения 1903 г. в сравнении с указами прошлых лет, а также с Указом «Об укреплении начал веротерпимости», где приходит к выводу о том, что несмотря на появление в империи «веротерпимости» сохранялось неравенство между Православной церковью и инославными и иноверными исповеданиями[2].

Десятый раздел относится только к нехристианским исповеданиям и включает в себя один важный пункт, который юридически закрепляет правовое и социальное положение неправославного населения. *Пункт первый:* «Предоставить Особому совещанию о веротерпимости (разд. VIII сего положения), на изъясненных в журнале Комитета министров основаниях, разработать нижеследующие вопросы и составленные законопроекты безотлагательно представить на уважение Государственного совета, без предварительных сношений с ведомствами:

а) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;

б) о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших;

в) об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства;

г) о порядке открытия магоментанских духовных школ — мектебе и медресе;

---

[1] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени. С. 39.

[2] *Андрощук В.В.* Преступления против религии… С. 128.

д) об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанских общин на Северном Кавказе в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области,

е) о возможности дозволения воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей»[1].

Таким образом, в начале XX века на территории Российской империи появились мусульманские учреждения. Центральным органом был Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Помимо центрального органа существовали также два муфтията: Оренбургский и Таврический. Кавказский край регулировался духовными управлениями, которые находились под руководством царской администрации: суннитское и шиитское. Средняя Азия не имела определённого органа, но вопросы, связанные с мусульманским населением края, решали местные власти. Они были подведомственны Военному министерству в Санкт-Петербурге. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»[2], который включал в себя основы гражданской свободы, органам власти необходимо было допустить существование мусульманских фракций, съездов и собраний.

Обеспечение полной свободы в религиозной сфере жизни населения — это переход к светскому государству. Чтобы обеспечить эту свободу, необходимо полное отделение государства от церкви, а также в целом разрушение идеи о господствующей религии. Данной точки зрения придерживались многие учёные-правоведы: Ф. Руффини, С.П. Мельгунов, С.А. Котляревский, А.Д. Градовский и другие[3].

Империя претерпевала большие общественно-социальные, политические и правовые изменения. Период Первой русской революции продолжался и сопровождался падением самодержавия, а также созданием Государственной Думы. Ниже рассмотрена работа фракций, вносивших законопроекты, касавшиеся инославных и иноверных исповеданий: прогрессисты, кадеты и национальные фракции, а также казачья группа.

---

[1] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени. С. 40.

[2] *Андрощук В.В.* Преступления против религии… С. 140.

[3] *Сафонов А.А.* Правовая доктрина… С. 344.

Прогрессисты предлагали два законопроекта, касающихся мусульманского вероисповедания.

Первый законопроект планировал регулирование жизни мусульман на Северном Кавказе. Депутаты считали неправильным, что на территории страны существует лишь два муфтията и предложили учредить муфтият для мусульман Северного Кавказа. Прогрессисты хотели разработать систему подготовки кадров для мусульманского духовенства, т.к. в школах (медресе) преподавали муллы и кадии, которые порой делали это с фанатизмом и учили детей нетерпимости к другим исповеданиям. Для координации религиозной жизни в данном регионе был предложен законопроект: «Об учреждении особого духовного управления (муфтиата) для мусульман Северного Кавказа. 3 декабря 1913 г.» [1]. Учредить особый орган планировалось в городе Владикавказе по образцу Закавказского муфтиата, но законопроект дальнейшего движения не имел.

Второй законопроект: «Об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания. 12 февраля 1914 г.» [2]. Депутаты просили отменить ограничения по отношению к людям мусульманского вероисповедания. 8 ноября 1889 года были приняты правила об ограничениях на вступление в права присяжные поверенных или частных поверенных. В основном это повеление было принято для того, чтобы ограничить права иудеев, но пострадало и мусульманское население. Стране необходимы были кадры, которые могли бы оказать квалифицированную юридическую помощь, зная национальные языки и традиции местного населения. Прогрессисты считали, что адвокаты-мусульмане были важны для развития российского правоведения, но законопроект дальнейшего движения в итоге не получил.

Кадеты предлагали лишь *один законопроект*, который помимо вероисповеданий был связан и с национальностью. Депутаты пытались добиться принципа равенства всех граждан. Они считали, что это противоречит правовому строю страны, поэтому предлагали одинаковое применение пунктов из Манифеста 17 октября 1905 г., которые касались прав человека, неприкосновенности личности и гражданской свободы ко всем

[1] *Пожигайло П.А.* Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 420.

[2] Там же. С. 423.

национальностям и вероисповеданиям. «Основные положения законопроекта об отмене ограничений в правах, связанных с национальностью или вероисповеданием от 18 мая 1907 г.»[1] должны были закреплять проделанную депутатами работу по законопроекту, но дальнейшего движения он так и не получил.

Схожий законопроект проект разработали фракции социалистического направления. Депутаты пытались добиться свободы передвижения, использования родного языка на территориях национальных образований, а также приобретения недвижимости. Законопроект от 11 февраля 1916 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [2] включал в себя критику указа «Об укреплении начал веротерпимости», т.к. депутаты считали, что он не решал всех проблем. Кроме того, аналогичные законопроекты также не получили дальнейшего движения, т.к. вызывали недовольство в Государственном Совете и у императора.

Ещё два законопроекта были предложены национальными фракциями и казачьей группой. *Первый законопроект* касался религиозных праздников. Депутаты приводили в пример то, что у мусульман было не принято отмечать чужие религиозные праздники, а значит и иметь выходной день в воскресенье, а не как положено в священную пятницу. 24 мая 1907 г. был предложен законопроект: «О нормальном отдыхе иноверных служащих в торговых и промышленных заведениях»[3], где авторы предлагали ограничить торги и в пятницу, и в воскресенье, но дальнейшего движения он так и не имел.

Второй законопроект касался образования среди мусульман. Депутаты предлагали Оренбургскому муфтияту выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц для медресе и мектебе. Официально преподавание в духовно-приходских школах велось, но если полиция требовала разрешение на ведение образовательной деятельности, то его не было. По данным причинам образовательные учреждения закрывались, а учителя подвергались ответственности согласно ст. 1049 Уложения о наказаниях[4]. Несмотря на то, что медресе и мектебе играли ключевую роль для духовного образования

[1] Там же. С. 527.

[2] Там же. С. 705.

[3] Там же. С. 717.

[4] Там же.

мусульманского населения, законопроект «О предоставлении магометанскому Оренбургскому собранию права выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц мусульманских духовно-приходских школ (мектебе и медресе)»[1] дальнейшего движения так и не получил.

Таким образом, можно прийти к выводу, что несмотря на действия Указа «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста от 17 октября 1905 г., правового и политического равенства среди инославных и иноверных исповеданий не существовало. Каждое исповедание обладало определённым количеством прав, связанных с управленческой, образовательной и имущественной деятельностью. Попытка привнести в страну принцип равенства граждан заканчивался недовольством среди органов власти.

С изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» было необходимо реформирование уголовного законодательства. Позже появилось высочайше утвержденное 14 марта 1906 г. мнение Государственного Совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного уложения»[2].

Для данной работы во мнении Государственного Совета рассматриваются 4 пункта: 86, 90, 93 и 98 — они касаются нехристианского населения. Вышеперечисленные пункты лишь подкрепляли то особое положение, которое занимала Православная Церковь в Российской империи. В.В. Андрощук описывает, как вносились изменения в Уголовное уложение 1903 года[3]. Основой той юридической конструкции статей о религиозных преступлениях стали положения о посягательстве и об оскорблении религиозных взглядов различных лиц[4]. Кроме того, преступления против религии могли подорвать уважение к христианской религии как к основе государственного и общественного строя страны.

Стоит отметить, что одной из проблем «мусульманского вопроса» в Российской империи является переселение крестьянского населения в мусульманские территории страны. Соответственно, происходило отождествление их культуры и быта, появлялись смешанные браки,

[1] Там же.

[2] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени. С. 269.

[3] *Андрощук В.В.* Преступления против религии… С. 153.

[4] Там же. С. 154.

нуждающиеся в законодательном регулировании. Чтобы не допустить рост мусульманского населения, были введены на согласование некоторые постановления:

«86. Магометанин, еврей, последователь буддийского вероисповедания (ламаит) или язычник, виновный в том, что, посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения обещанием выгод или обмана, совратил инородца русского поданного нехристианского вероисповедания в другую нехристианскую веру, наказывается: заключением в тюрьме на срок не свыше трёх месяцев».

«90. Виновный в произнесении или чтении публично проповеди, речи или сочинения, или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или учение, или секту, если сии деяния учинены с целью совращения православных, наказывается: заключением в крепости на срок не выше одного года или арестом».

«93 … 4) в совершении брака лица инославного вероисповедания с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником, наказывается: денежной пеней не свыше трёхсот рублей». «В случае повторения проступка, пунктом четвёртым сей статьи указанного, наказывается [удалением от занимаемой должности] на время от трёх до шести месяцев».

98. «Лицо нехристианского вероисповедания, последователь изуверного учения, сектант или лицо инославного христианского вероисповедания, а также старообрядец, виновные в оскорблении православного священнослужителя или в предусмотренном статьёй 475 насилии над его личностью не во время совершения им службы Божьей или духовной требы, но с целью оказать неуважение к вере и церкви православной, наказывается: заключением в тюрьме. Если сие оскорбление или насилие над личностью учинено во время совершения священнослужителем службы Божьей или духовной требы, то виновный наказывается: за оскорбление — заключением в исправительном доме на срок не выше трёх лет; за насилие — заключением в исправительном доме»[1].

[1] *Лазаревский Н.* Законодательные акты переходного времени. С. 269–270.

Вышеперечисленные пункты можно квалифицировать как упадок нравственности по отношению к православию, открытое исповедование иноверных религиозных учений, принадлежность к исповеданиям, признающимся в империи «нетерпимыми», а также оскорбление или унижение православного священника.

В целом, общая классификация внесённых в Уголовное уложение изменений вызывала критику исследователей-правоведов дореволюционного периода В.Н. Ширяева и Н.С. Тимашева. Они предлагали упрощённую классификацию религиозных преступлений. Н.С. Тимашев предлагал классификацию, связанную с элементами основ государственного строя Российской империи, где делил преступления против религии на три элемента. Во-первых, он выделял религию, как культурную силу, охраняемую государством. Во-вторых, вводил неприкосновенность «высшей религии», т.е. религии, покровительствуемой государством. В-третьих, выделял свободу отправления веры[1].

Таким образом, преступления против религии в начале XX в. представляли собой правонарушения, носящие смешанный и одинарный (религиозный) характер. Органы власти Российской империи считали преступления против религии покушением на самодержавие. Защита власти и государственного строя страны являлась главной задачей для разработчиков уголовного законодательства. Проповедническая деятельность нехристианских исповеданий продолжала оставаться уголовно-наказуемой. Стоит отметить, что религиозная преступность преобладала и получила распространение в сельской местности, а для лиц военного сословия критерии правонарушений были предусмотрены военно-уголовным законодательством страны.

Временной период, рассматриваемый в данном исследовании, охватывает русско-японскую войну в 1904–1905 гг. и Первую Мировую войну в 1914–1918 гг. В военном ведомстве Российской империи находилось также и мусульманское население. Им было необходимо религиозное утешение на фронте, а также праздничные богослужения. Кроме того, обязательное посещение мусульманскими военными мечетей, похороны военных по мусульманским канонам. Всё это требовало разрешения российского

[1] *Андрощук В.В.* Преступления против религии… С. 157–158.

законодательства, поэтому были выпущены законодательные и нормативно-правовые акты.

Так, например, военный министр разрешил лицам, занимающим должность магоментанских мулл, быть призванными на действующую службу в госпитали и лазареты. Согласие министра было мотивировано тем, что военным магоментанского исповедания необходимо религиозное утешение для раненых и прогребения умерших в мусульманских традициях. Министерством внутренних дел оренбургского муфтия от 30 марта 1904 г. было принято согласие «Об отправке в военно-врачебные заведения муллами запасных нижних чинов из духовных лиц на период войны» в городе Уфе.

Помимо подобных разрешений, случались также случаи законодательного присвоения почётного звания для мусульманина после его смерти. 30 октября 1909 года был выпущен акт «О присвоении почётного звания Ахуна имаму для военнослужащих». Для уточнения, ахун — это аналог арабского кади, т.е. старшего лица среди мусульманского духовенства.

В 1915 г. в газете «Каспий» было опубликовано разрешение военнослужащим-мусульманам посещать мечеть г. Одессы по пятницам, так как большое количество воинов в этом городе прибыло из Крыма. В том же году в газете были опубликованы извлечения, касающиеся похорон офицера-мусульманина, где в красках описывался обряд захоронения покойного и всеобщее чтение Корана. Если вернуться к предыдущей главе, то можно вспомнить, что это является уголовно-наказуемым, но для поднятия духа солдат органы власти вносят изменения в «религиозную свободу» империи.

В данный временной промежуток можно отнести ещё два законодательных акта, внесённых на рассмотрение и принятых в связи с военными действиями 1904–1905 и 1914–1918 гг. Во-первых, это назначение военного имама в действующую армию во времена русско-японской войны. Во-вторых, это разрешение на праздничное богослужение на фронте во времена Первой Мировой войны. Из записей генерала А.Е. Снесарева в Австрии 24 сентября 1916 г.: «(...) Затем они выстроились возле чайной, я их поздравил с праздником, поблагодарил за службу, и мы прокричали “ура” Государю» [1].

[1] *Абдуллин Х.М.* Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов

Отсюда следует вывод о том, что и после принятия указа «Об укреплении начал веротерпимости» и внесённых изменений в Уголовное уложение 1903 года, органы власти продолжали расширение прав инославных исповеданий, но только с целью укрепления своей позиции внутри мусульманского сообщества.

С целью ликвидации правовой неравноправности конфессиональных обществ Российской империи был предпринят ряд изменений в российское законодательство. Инославные исповедания впервые получили религиозную самостоятельность, закреплённую в указе «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Важным результатом принятия данного указа значится ряд юридических закреплений, которые позже появятся в Манифесте от 17 октября 1905 г., но немного в другой интерпретации. Здесь речь идёт о свободе выбора. Официально стали закреплены исповедные переходы в рамках христианских вероучений, а также для лиц, числящихся в православии лишь формально, было разрешено официальное исповедание своей нехристианской религии.

Следует отметить улучшение правового положения мусульман. Мусульманское духовенство, как и другие отличные от православия исповедания, обладали рядом специфических политических и имущественных положений, а также определённым количеством прав и ограничений.

Отношение к исламу менялось на протяжении всей истории Российской империи. Например, в период конца XIX — начала XX в. органы власти относились к мусульманам с настороженностью, потому что боялись «исламского фанатизма». В историографии этот период характеризуется как скрытое отрицание мусульманской конфессии. Со временем стало понятно, что «мусульманский вопрос» становится всё более острым. Это стало заметно в период первой русской революции, потому что возник рост ислама в публичной политике.

Это был далеко не последний фактор роста ислама в империи. На международной арене произошли события, заставившие российское самодержавие взглянуть на мусульман по-другому. Речь идёт о младотурецкой революции в 1908 г. в Турции, которая установила новый

и материалов. Казань, 2009. С. 148.

режим на территории Османской империи. Органы власти Российской империи в связи с этим боялись увеличения панисламистских и пантюркистских идей среди мусульманского населения.

Таким образом, российское самодержавие пыталось найти диалог с мусульманским обществом и сохранить их традиционный жизненный уклад. Этому поспособствовали изменения в российском законодательстве, которые включали в себя не только веротерпимость, но и образование новых мечетей, мусульманских духовных управлений, а также создание собраний, конференций и съездов. Так, например, в 1905 году был создан «Союз мусульман», который был создан на первом Всероссийском конгрессе мусульман в Нижнем Новгороде. Несмотря на вышеперечисленные нововведения в политико-правовом положении мусульман в Российской империи, стоит отметить, что правового равенства не существовало и понятие «религиозной свободы» по отношению к мусульманскому духовенству (?) не имеет смысла.

Источники и литература

Абдуллин Х.М. Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов. Казань, 2009.

Андрощук В.В. Преступления против религии по законодательству России конца XIX — начала XX вв.: дисс…. канд. юрид. наук. М., 2015.

Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.

Лазаревский Н. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. М., 2010.

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI — начале XX века (политико-правовой аспект) // Пути познания истории России: Новые подходы и интерпретация. М., 2001.

Пожигайло П.А. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006.

Раджабова М.А. Политико-правовое положение мусульман России (XVI — начало XX в.) // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 2009.

Сафонов А.А. Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М., 2011.

Сафонов А.А. Правовая доктрина религиозной свободы общественной мысли России в конце XIX — начале XX вв. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. научных статей. Курск, 2010. № 3.

(абзац)Сафонов А.А. Правовой статус и структура административного управления инославных исповеданий в России на рубеже XIX–XX вв. // Материалы международной заочной научно-практической и учебно-методической конференции. Пенза, 2011.

М.С. Абрамовская

Реализация права на свободу совести в первые годы Советской власти: идеология и Конституция РСФСР 1918 года

Регулирование духовно-культурных отношений в обществе имеет огромное значение для формирования правосознания. Закрепленные конституционно и законодательно права и обязанности этой сферы становятся юридической формой выражения свободы и ответственности личности в демократическом государстве. Посредством такого регулирования государство может задать общую концепцию развития общества[1].

Религия, как в современном обществе, так и в исторической ретроспективе является мощным регулятором общественных отношений и поведения людей. Обеспечение возможности для каждого гражданина выбора веры и свободы ее исповедания становится одной из задач современного демократического государства. Помимо этого, регулируя отношения общества и религиозных конфессий, государство получает поддержку в обеспечении общественного порядка от определенных групп населения. На примере взаимоотношений советской власти и православной церкви можно убедиться в действенности законодательной борьбы с одной из мощнейших ветвей свергнутой большевиками власти.

Первые годы советской власти характеризовались активной борьбой государства с антисоциальными новому обществу явлениями и чуждыми

[1] *Паленый И.А*. Вопросы регулирования духовно-культурных отношений в Конституции РСФСР 1918 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 35.

формами идеологии, главной среди которых была объявлена религия[1]. Это было обусловлено восприятием русской православной церкви не только как религиозной организации: она ассоциировалась и была непосредственно связана с царским/имперским режимом, «старой, свергнутой» властью. В то же время церковь не поддерживала большевистскую революцию, и, объединяя под своим началом огромные массы людей, могла стать контрреволюционной силой, способствовать свержению новой власти и восстановлению старого политического режима. Кроме того, большевистская идеология не предполагала религиозности, стремилась к разделению понятий «человек», «государство» и «церковь».

Изменения политического курса страны воздействуют на все сферы жизни общества. Революция 1917 г. в России преобразила не только политическую структуру государства, но и изменила характер экономических отношений, социальное устройство и дифференциацию населения страны. Этот процесс также отразился и на культурной составляющей жизни общества, в том числе — на вопросах, связанных с религией.

Обратимся к законодательным актам и рассмотрим основной закон государства — Конституцию РСФСР 1918 г. в контексте становления принципиально нового института власти. Принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г. и вступившая в силу 19 июля 1918 г., она стала первой советской конституцией. Ст. 13 гласит: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»[2].

Появлению конституционной нормы предшествовал декрет Совета Народных Комиссаров от 20 января (2 февраля) «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», провозгласивший отделение церкви от государства и школы от церкви. Документ устанавливал право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (п. 3),

[1] *Синельников С.П* Советское законодательство о религиозной пропаганде (1918-1930-е гг.) // https://wiselawyer.ru/poleznoe/50325-sovetskoe-zakonodatelstvo-religioznoj-propagande-1918-1930.

[2] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#1.

возможность свободного исполнения религиозных обрядов, не нарушающих общественный порядок (п. 5), невозможность уклонения от гражданских обязанностей из-за религиозных воззрений (п. 6). Отменялась религиозная клятва и присяга, запрещались принудительные сборы и взыскания в пользу церковных и религиозных обществ, имущество церкви провозглашалось народным достоянием, церковь лишалась прав юридического лица, вводился запрет на ее право владения собственностью[1].

В системе национального законодательства право на свободу выбора религии не было новым явлением, поскольку ст. 81 Основных государственных законов устанавливала, что российские подданные пользуются свободой веры, дающей право выбора религиозной конфессии. Принципиальным отличием стала возможность не исповедовать никакой религии. Фактически, ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г. провозгласила абсолютную свободу духовной жизни населения, ограниченную до этого обязанностью исповедовать какую-либо из признанных религий.

Однако, анализируя остальные положения Конституции РСФСР 1918 г., можно заметить, что свободу совести и вероисповедания конституция закрепляла лишь условно. Действительные принципы свободы заключаются не только в возможности открыто исповедовать религию (или не исповедовать никакой), но и в том, чтобы избранное вероисповедание и образ жизни не отражались на гражданских и политических правах человека. Так, Конституция 1918 г. устанавливала ограничения на активное и пассивное избирательное право для лиц-церковнослужителей. В соответствии со ст. 64 Конституции РСФСР в число лиц, лишенных избирательных прав, наряду с «душевнобольными и умалишенными», а также «лицами, осужденными за корыстные и порочащие преступления» входили «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов»[2]. Это прямое ограничение гражданских и политических прав.

Конституция 1918 г. юридически уравнивала религиозную и антирелигиозную пропаганду. Однако политика большевиков в отношении религиозных организаций создавала условия, при которых это равенство

[1] Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. Электронная версия на сайте: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm.

[2] *Паленый И.А*. Вопросы регулирования… С. 36.

становилось невозможным. Многократно расширялись возможности для проведения антирелигиозной пропаганды, одобряемой и поощряемой государством и новой идеологией. Для этих целей была задействована вся идеологическая машина и ресурсы государства: печать (книги, брошюры), устная пропаганда, массовые мероприятия, молодежные организации, театр и кино. Возможность же пропаганды религиозных учений была существенно ограничена. Преподавание в учебных заведениях Закона Божьего было запрещено. Религиозные проповеди звучали только в стенах храмов, но и здесь их содержание контролировалось добровольными осведомителями. Церкви лишили и права печати путем национализации библиотек, типографий и редакций журналов[1].

Следует отметить, что современные исследователи уделяют наибольшее внимание взаимоотношению советской власти с русской православной церковью, игнорируя ее политику в отношении иных конфессий. Так, по замечанию исследователя канонического права протоиерея В. Цыпина, декрет «Об отделении церкви от государства…» «явился юридической подготовкой к изъятию церковных ценностей, к закрытию монастырей и духовных школ, к кощунственным осквернениям святых мощей угодников Божиих, к противоправным судам и расправам над священнослужителями и благочестивыми мирянами»[2]. С.П. Синельников отмечает, что свобода религиозной пропаганды для русской православной церкви «понималась в узком значении — только в смысле ведения разговоров на узко церковные темы, не обсуждения вопросов текущей жизни и политики»[3].

Именно эта про-православная позиция широко распространена среди ученых-исследователей данного периода. Однако следует отметить, что уравнивание религий путем отмены главенства православного христианства и провозглашение свободы слова положительно сказались на деятельности и существовании иных конфессий. Наиболее благоприятные условия были созданы для последователей ислама. Так, например, допускалось создание судов, решавших судебные споры по шариату (в случае отсутствия

[1] *Синельников С.П.* Советское законодательство о религиозной пропаганде.

[2] *Цыпин В.* Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность // Исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 58.

[3] *Синельников С.П.* Советское законодательство о религиозной пропаганде.

противоречий с законодательством), было создано Центральное духовное управление мусульман, представители мусульманского духовенства имели право работать в советских школах и т.д[1].

Итак, конституционное регулирование свободы совести в Конституции РСФСР 1918 г. имело комплексный характер. С одной стороны, основной закон государства формировал базовые ценности светского государства: религии признавались равными, провозглашалась свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды, церковь отделялась от государства. Особую важность имело законодательное закрепление возможности не исповедовать никакую религию. С другой стороны, свобода антирелигиозной пропаганды создавала правовую основу для притеснения и ограничения в правах религиозных и церковных организаций. В большей степени это явление проявилось во взаимодействии советской власти и русской православной церкви, воспринимавшейся не только как сильное религиозное объединение, но и как активная контрреволюционная сила. В то же время политика большевиков в отношении других конфессий позволяла гражданам реализовывать свои права на свободу совести.

Современная Русская православная церковь настаивает на позиции намеренного уничтожения религиозных организаций, не освещая вопрос взаимодействия власти с представителями других конфессий. Исследовательская же позиция должна признавать и уделять особое внимание юридическому закреплению свободы совести в конституции страны.

Источники и литература

Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. Электронная версия на сайте: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/religion.htm.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#1.

Малашенко А. Ислам для России. М., 2007.

Паленый И.А. Вопросы регулирования духовно-культурных отношений в Конституции РСФСР 1918 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2.

[1] *Малашенко А*. Ислам для России. М., 2007. С. 95.

Синельников С.П. Советское законодательство о религиозной пропаганде (1918-1930-е гг.) // https://wiselawyer.ru/poleznoe/50325-sovetskoe-zakonodatelstvo-religioznoj-propagande-1918-1930.

Цыпин В. Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность // Исторический вестник. 2000. № 5–6.

Е.В. Резчикова

Влияние Октябрьской революции на развитие авторского права и издательского дела

Исторически возникновение авторского права как в мире, так и в России связано с развитием книгопечатания.

Первым в мире законом об авторском праве можно считать Статут королевы Анны, принятый в 1709 г. В нем вместо привилегий, выдаваемых издателям, закреплялась охрана изданных книг от перепечатки. До принятия статута авторы обязаны были продавать свои произведения только гильдии лондонских печатников Stationers Company за одноразовую плату навсегда и не могли публиковать их самостоятельно. Статут устанавливал право издателя на опубликованную и зарегистрированную книгу на 14 лет. Автор же получал права на созданное им произведение только через 14 лет. Согласно Статуту защиту получали произведения, учтенные в реестре книг Stationers Company и сданные на хранение в королевскую библиотеку[1].

Появление идеи регулирования авторского права в России с почти вековым отставанием от стран Западной Европы обусловлено более поздним развитием книгопечатания.

В период правления Ивана Грозного в Москве появилась первая типография, где в самом начале печатали книги религиозного содержания. Количество выпускаемых книг во времена Петра I значительно возросло. Большинство типографий принадлежали государству, которое подвергало жесткому контролю содержание издаваемых книг.

В развитии российского авторского права следует выделить три основных этапа:

[1] Право интеллектуальной собственности / Под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2018. С. 33.

- дореволюционный (в некоторых источниках — имперский[1]) период развития: 1828–1917 гг.;
- советский период развития: 1917–1991 г.;
- современный период развития: 1991 г. — настоящее время[2].

Большинство авторов связывают зарождение авторского права в России с Цензурным уставом 1828 г., который закрепил за автором исключительное право на издание и распространение его произведений в течение всей жизни и еще 25 лет после смерти. Затем издание становилось «собственностью публики»[3]. За автором было закреплено право на вознаграждение в случае тиражирования его произведения. Переводчик наделялся равными правами с сочинителем. Защита государством указанного права зависела от соблюдения автором требований цензуры.

Указ «О правах сочинителей, переводчиков и издателей» (1830 г.) давал возможность продлить срок действия права на тиражирование (post mortem auctoris) до 35 лет в том случае, если произведение было издано в последние 5 лет до окончания срока действия права на копирайт.

По решению Госсовета объектами авторского права стали музыкальные произведения (1845 г.), произведения изобразительного искусства (1846 г.), а также произведения зарубежных авторов, впервые вышедшие в свет в России (1857 г.).

В 1857 г. Госсовет удовлетворил просьбу вдовы А.С. Пушкина об изменении срока действия авторского права. Он был продлен до 50 лет после смерти создателя произведения.

Первый специальный акт «Положение об авторском праве», установивший независимость защиты авторского права от цензурных требований, был принят в России в 1911 г. За основу были взяты соответствующие законы Германии, Франции и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. По замечанию Л.А. Новоселовой, в этом законе первый раз было закреплено право автора на неприкосновенность произведения. Данный закон соответствовал мировым

---

[1] *Судариков С.А*. Право интеллектуальной собственности. М., 2015. С. 58.

[2] *Караулова Ю.А.* Становление института авторского права в России // Право и управление. XXI век. 2008. № 3. 55–62.

[3] *Калинин А.В.* Возникновение и основные этапы развития авторского права: Автореф. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

стандартам охраны прав собственности начала XX века, а иногда и опережал их, например, в вопросе закрепления права собственности за первым издателем древней рукописи[1].

Авторские права предоставлялись на такие объекты как литературные, художественные, драматические, музыкальные произведения, и впервые на фотографии. Автор мог публиковать и распространять свои произведения самостоятельно, мог передать эти исключительные права другому лицу. Авторскими правами создатели произведений обладали с момента их создания.

Концепция авторского права в СССР была связана с задачами социалистического государства. В ее основу была положена идея общественной собственности на результаты творческой деятельности, которая выразилась в закреплении за государством права использовать творческие достижения авторов в интересах общества и государства.

В.И. Ленин писал о свободной литературе, которая «будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения верхним десяти тысячам, а десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны и ее силу»[2].

После Октябрьской революции были изданы правовые акты, которые значительным образом изменили положения авторского права, сложившегося ранее в Российской империи.

Воплощая в жизнь идею общественной собственности и одновременно решая задачу быстрого распространения произведений русской литературы среди трудящихся, Декрет «О государственном издательстве» от 29.12.1917 г. объявил произведения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других к тому моменту умерших русских писателей (всего 58 литераторов) социалистической собственностью.

Декрет «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» от 26.11.1918 давал возможность национализировать произведения и живущих авторов. Постановление «О национализации музыкальных произведений некоторых авторов» от 16.08.1919 признавало

[1] Право интеллектуальной собственности. С. 19.

[2] *Ленин В.И.* Сочинения. 5-е изд. Т. 12. С. 99–105.

музыкальные произведения таких русских композиторов как П. Чайковский, М. Мусоргский, А. Балакирев и другие, достоянием РСФСР.

Таким образом появлялась государственная монополия на литературные произведения, ограничивающая исключительные авторские права. Специальная комиссия объявляла многие произведения достоянием республики сроком на 5 лет. Авторы же лишались права на самостоятельное распространение результатов их творчества, сохранив только право на получение гонорара и возмещение автору понесенных убытков[1].

Стоит заметить, что Декрет от 10.10.1919 отменял действие договоров между авторами и издательствами, согласно которым литературные, художественные и музыкальные творения авторов становились собственностью издателей. Следовательно, право распоряжаться своей интеллектуальной собственностью авторам было возвращено.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30.01.1925 «Об основах авторского права» были признаны личные неимущественные права авторов. Также за автором был закреплен широкий спектр исключительных прав, а именно право обнародовать произведение, воспроизводить, распространять и получать выгоду от использования этих исключительных прав всеми способами, разрешенными законодательством[2]. При этом правительству СССР был разрешен принудительный выкуп имущественных прав автора.

Постановление содержало перечень случаев, когда произведения можно было использовать свободно, т.е. без выплаты автору вознаграждения. Примечательно, что данный список почти полностью совпадал со списком, содержащимся ранее в появившимся до Октябрьской революции законе «Об авторском праве» 1911 г.

Относительно срока охраны объектов авторского права, следует заметить, что он существенно отличался от дореволюционного закона. Если в законе «Об авторском праве» 1911 г. произведение получало охрану в течение жизни автора и еще 50 лет после его смерти, то в Постановлении «Об основах авторского права» (1925 г.) он значительно сокращен до 25 лет с момента обнародования.

---

[1] *Намсараева О.С., Чирков В.А.* Историко-правовой анализ авторского права в России // Вестник БГУ. Современная цивилистика. 2018. № 1. С. 35.

[2] Право интеллектуальной собственности. С. 31.

Срок охраны отличался и для разных объектов авторского права. Так, хореографические произведения, кинофильмы и сценарии к ним охранялись 10 лет, фотографии — 3 года. Постановлением ЦИК и СНК СССР «Основы авторского права» (1928 г.) были увеличены сроки охраны. Авторские права охранялись государством в течение всей жизни автора и еще 15 лет после его смерти. Однако никаких изменений не было внесено для сроков охраны хореографических произведений, кинофильмов и фотографий. Они были, как и раньше, сокращены.

Интересно, что разрешалось по радио транслировать бесплатно концерты и театральные постановки.

Итак, основные положения концепции авторского права после Октябрьской революции заключаются в следующем:

- авторские права на результаты творческой деятельности появлялись с момента создания произведения;
- авторские права действовали как для опубликованных, так и неопубликованных произведений;
- для возникновения авторских прав не требовалось совершать какие-либо формальности, связанные с регистрацией;
- существовали два важнейших критерия охраны произведений. Во-первых, произведение должно было признаваться результатом творческой деятельности автора, а, во-вторых, существовать в объективной форме.

Объектами авторских прав являлись литературные произведения, научные работы, произведения музыкального и художественного искусства, кинофильмы и сценарии к ним. Для признания фотографии объектом авторского права требовалось указать имя автора, название и адрес фотостудии, где она была сделана, а также дату фотосъемки.

Исследователи проблем авторского права в советском государстве замечают, что хотя за автором был закреплен широкий спектр исключительных прав, т.е. в законодательстве говорилось о праве автора публиковать и распространять свои произведения, в действительности автор вряд ли мог воспользоваться данными исключительными правами. Фактически автор только получал гонорар за издание. Охрана

предоставлялась произведениям, получившим одобрение контролирующих органов.

В СССР авторские права были значительно ограничены. Существовали специальные правила, разрешавшие использовать произведения, не получив согласия от автора. Это не считалось нарушением законодательства.

В соответствии с Постановлением об авторском праве автор не имел права передать кому-либо свои исключительные права. Допускалась лишь передача к издателю результатов творческого труда автора во временное пользование. Авторы сотрудничали с пользователями на основании типового авторского договора, который действовал 5 лет, и получали вознаграждение в соответствии с установленными государством расценками гонораров. Если издатель подписывал такой договор, то он был обязан опубликовать произведение в течение 2-х лет.

В 1931 г. в структуре государственной власти было образовано Всесоюзное управление по охране авторских прав, занимавшееся сборами по авторским договорам и централизованно выплачивавшее авторские гонорары[1].

Как было сказано выше, охранялись лишь произведения, которые соответствовали идеологии социалистического государства. Произведения, которые не прошли цензуру, не публиковались. В результате возникло такое явление как «самиздат». Копии произведений автора были напечатаны дома, а не в издательстве, и распространялись бесплатно. Однако стоит сказать, что государство боролось с «самиздатом». Согласно Уголовному кодексу РСФСР и кодексам союзных республик предусматривалась уголовная ответственность для авторов, чьи произведения копировались и распространялись с помощью «самиздата».

Советский Союз до 70-х гг. XX в. не присоединялся ни к каким международным соглашениям в области авторского права. В 1973 г. в результате присоединения к Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г. в Основы гражданского законодательства СССР внесены важные изменения. Срок охраны объектов авторского права был увеличен до 25 лет после смерти автора.

[1] *Намсараева О.С., Чирков В.А.* Историко-правовой анализ… С. 36.

Авторское право, сформировавшееся после Октябрьской революции, представляло совершенно новое явление. Советская концепция авторского права возникла под влиянием коммунистической идеологии и отражала задачи социалистического государства. Основной из них была задача — передать в пользование общества результаты творческого труда авторов путем их издания и распространения.

Источники и литература

Калинин А.В. Возникновение и основные этапы развития авторского права: Автореф. … канд. юрид. наук. М., 2000.

Караулова Ю.А. Становление института авторского права в России // Право и управление. XXI век. 2008. № 3.

Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 12.

Намсараева О.С., Чирков В.А. Историко-правовой анализ авторского права в России // Вестник БГУ. Современная цивилистика. 2018. № 1.

Право интеллектуальной собственности / Под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2018.

Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. М., 2015.

З.А Сорокина

Анализ института юридического лица через призму мировых революций

Юридическое лицо — самый интересный субъект права. Его история тянется с древних времен. В разное время юридическое лицо понималось по-разному — в зависимости от политического и экономического развития. Революции, перевороты давали развитие праву, а вместе с ним формировалось понимание термина «юридическое лицо».

Фактически юридическое лицо существовало со времен Древнего Рима — римские юристы заметили, что в некоторых случаях права и обязанности принадлежат целой организации, существующей независимо от своего состава из физических лиц[1]. Участники организаций составляли устав, не противоречащий публичным законам, для ведения общих дел. Более того, такие объединения отличал факт обобществленной собственности. Даже городская казна — фиска — приобрела черты юридического лица. Например,

[1] *Новицкий И.Б.* Римское право. М., 2016. С. 298.

она подчинялась нормам гражданского права, а не публичного; ее имущество не подлежало срокам давности, и она имела право наследования.

В Средневековье о юридическом лице как о понятии благополучно забыли — ведь капиталистические отношения не развивались. Иногда возникали разногласия по поводу правосубъектности торговых корпораций. Юристы того времени не могли решить этот вопрос, так как при обращении к Римскому праву (а в основном обращались именно к нему) не находили понятия юридического лица. Но в 1245 г. папа Иннокентий IV заявил, что корпорация не имеет души и связана только с воображением человека. В дальнейшим его назовут основоположником теории фикции[1].

По логике, юридическое лицо должно было найти свое место после революции в Нидерландах в XVI–XVII веках. Независимость от Испании дала бы толчок развитию собственного права. Но этого не произошло. Историки объясняют это двумя фактами[2]. Во-первых, главной целью Нидерландской революции была борьба за независимость от Испании, освобождение от протестантизма и налогов. И, во-вторых, на территории Нидерландов не было рецепции римского права.

Аналогичные итоги по поводу института юридического лица были и в Англии после буржуазной революции в середине XVII в. По завершении революции юристы-теоретики разделились на два лагеря. Первые требовали перехода к единому законодательству, так как считали его более прогрессивным, более подходящим для буржуазного общества. К тому же прецедентное право приводило к злоупотреблению полномочий судьями. Вторые протестовали против новинки, считая, что государство попросту не готово к таким коренным изменениям. И, как выяснялось постепенно, в Англии не знали многих юридических терминов, в том числе и «юридическое лицо»[3]. И связано это с тем, что в Англии не интересовались римским правом.

Великая Французская революция является одним из важнейших политико-социальных событий мировой истории. Во-первых, она по праву

---

[1] *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. I, СПб., 1998. С. 488.

[2] *Чистозвонов А.Н.* Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958. С. 170.

[3] *Крашенинникова Н.А., Жидкова О.А.* История государства и права зарубежных стран. М., 2014. С. 397.

называется классической, «эталонной» революцией, развившейся из остроты классовых противоречий и накопившихся внутренних экономических и политических проблем. Во-вторых, это событие стало самым значительным в мире для XIX в. — революция дала толчок в развитии новых, более прогрессивных идей, в том числе и правовых. После Великой Французской революции Франция нуждалась в создании единого источника гражданского права — в разных регионах использовались разные источники права. Искался компромисс между новым буржуазным обществом и его новинками и старыми патриархальными взглядами на семейные отношения. Было решено собрать лучшее и наиболее подходящее из римского права, местных обычаев. Однако ученые считают, что Кодекс Наполеона — настоящий преемник римского права. Однако юридическое лицо не нашло себя и в Гражданском Кодексе Наполеона. Целая первая книга Кодекса посвящалась лицам, где было расписано положение граждан, их права и свободы. Однако понятие «юридическое лицо» не встречается ни в одной статье. Ученые это объясняют особыми взглядами политических деятелей эпохи революции[1]. Они опасались, что корпорации, как частные объединения лиц, могут послужить основой для возрождения феодальных и церковных учреждений. Также аргументом отсутствия юридического лица может послужить факт слабого развития капитализма. Поэтому, как правило, гражданин выступал в имущественном обороте самостоятельно в качестве физического лица.

Как раз к середине XIX в. у ученых-юристов появился интерес к юридическому лицу. Это обуславливалось, во-первых, промышленными революциями. XIX в. вообще принято считать пиком капиталистических отношений. И многие юристы понимали, что требуются обобщенное название для всех фирм, компаний для урегулирования правоотношений. Во-вторых, законодатели некоторых государств начинали создавать кодифицированные акты, которые должны были содержать нормы, регулирующие правоотношения именно в капиталистическом строе. Создается множество теорий, которые актуальны и по сей день.

Первая из них — это теория фикции. Особое внимание ей уделяли германские цивилисты. По их мнению, корпорация — выдумка, созданная

[1] *Ревуненков В.Г.* К истории споров о Великой французской революции. М., 1989. С. 114.

для удобства применения законов. Эта теория получила огромное распространение в США после Гражданской войны (ведь больше не было разрозненности, сформировалось единое экономическое пространство). В дополнение к теории фикции были созданы теория «целевого имущества» (права и обязанности служат для определенной цели) и теория интереса (права и обязанности фактически принадлежат тем физическим лицам, которые используют общее имущество и извлекают из него выгоду)[1].

В противовес вышеперечисленным идеям в то же время стали разрабатываться теории, признающие реальность. Обширную известность получила органическая теория, получившая распространение в Российской империи после Промышленной революции 1830-х годов и отмены Крепостного права 1861 года. Эта теория объяснила наличие собственной воли и интересов юридического лица — это его самостоятельность как субъекта. По мнению приверженцев этой идеи, «юридическое лицо есть особый социальный организм, человеческий союз со своей волей, несводимой к совокупности воль составляющих его физических лиц»[2]».

Эти теории дали огромный толчок для развития гражданского права, особенно для германского. Еще во времена войны с Францией, немецкие юристы заинтересовались Кодексом Наполеона — на тот момент это был самый совершенный кодифицированный акт. Однако некоторые считали этот Кодекс далеким от идеала — критиковался его огромный объем, трудность понимания для обывателей, а некоторые положения выделяли как противоречивые. Но созданию Кодекса мешала раздробленность германских земель. Именно это стало причиной Германской революции 1848–1849 гг. Дальнейшему развитию капитализма мешали местные князья-феодалы, которым финансово было невыгодно создание единого государства. Революция 1848 г. хоть и послужила толчком к объединению Германии, законодатели не спешили приступать к разработке. Ведь сразу после этого началась промышленная революция. Германию ждал мощнейший экономический подъем. Разработчики, которые писали свои идеи в сборниках и газетах, просто не знали, за что браться — все менялось с каждым днем. Поэтому сначала Правительство решило разработать отдельные

[1] *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. С. 488.

[2] *Гирке О. фон*. Немецкое частное право // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/ Sociolog/zombart/09.php.

положения — об обязательствах и торговле. Об общей части речь и не заходила. Идея объединения Германии нашла широкое распространение среди либеральной буржуазии — именно этот слой населения занялся разработкой проектов Гражданского кодекса. Лишь после окончательного становления Германской империи в 1871 г. законодатели могли приступить к работе над регулированием гражданских правоотношений. За основу взяли не только римское право, но и кодекс Наполеона, который было решено усовершенствовать, сделать его более подходящим для «века промышленности».

Прорывом в институте юридического лица стало издание Германского Гражданского уложения в 1896 г. В нем юридическое лицо (а ему посвящалась вторая глава) признавалось субъектом правоотношений наравне с физическими. Юридическими лицами могли быть общества (союзы) и учреждения[1]. Под обществами или союзами понимались такие объединения, в которых участники связаны правами и обязанностями. Учреждения же возникали по воле частных лиц, которые выделяли для достижения целей объединения часть своего имущества. В уложении в зависимости от целей, ради которых они создавались, выделялись два вида юридических лиц: ведение деятельности с целью извлечения прибыли или ради осуществления деятельности нехозяйственного предприятия (например, союз ученых, созданный в культурно-просветительных и научных целях).

Коммерческое объединение приобретало свою правоспособность через разрешение от правительства того союзного государства, в пределах которого общество имеет свое место (место, в котором находится правление объединения) жительства (ст. 22). Некоммерческое общество приобретает гражданскую правоспособность через внесение его в реестр обществ при подлежащем суде (ст. 21), т.е. происходит уведомительный, регистрационный порядок оформления юридического лица.

Причиной прекращения работы юридических лиц по кодексу могли быть только противозаконные действия собрания (ст. 43). Среди юридических лиц, как и среди физических, выделялись неправоспособные союзы. Они не отвечали всем требованиям кодекса и к ним применялись предписания о товариществах.

[1] *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права. Т. 3. М., 2014. С. 276.

Такое событие не прошло по миру незаметно. Это была действительно революция в праве. В Великобритании и США теория фикции становится основной — в одном из решений Верховного суда США корпорация определяется как «невидимое, неосязаемое и существующее только с точки зрения закона»[1]. Спустя несколько лет и Кодекс Наполеона будет дополнен юридическим лицом, как субъектом права.

С развитием общества стали появляться новые теории. Активно распространялась по миру идея социализма. Коснулось это и юридического лица. После Октябрьской революции 1917 г. в России была разработана теория социальной реальности. Необходимость ее создания объясняется просто — нужно было отрицать все капиталистическое и буржуазное. Социальная реальность отвергала обособленное имущество как признак юридического лица[2], потому что государственное имущество даже при передаче его в распоряжение государственному предприятию оставалось собственностью государства. Чуть позже, в 1930-е гг. была разработана теория государства, где юридическим лицом выступало само государство[3]. Теория была создана для отхода от Новой Экономической Политики, для дальнейшего перехода к «пятилеткам» и ее прогрессивным результатам.

В Российской Федерации юридическое лицо появилось после перестройки, после демократизации экономического строя и перехода на капиталистические отношения. Согласно гл. 4 ГК РФ, юридическим лицом называется организация со следующими признаками: она имеет обособленное имущество, несет ответственность за свою деятельность, обладает гражданскими правами и обязанностями, может принимать участие в судебных заседаниях и как истец, и как ответчик. Как и в Германском уложении, юридические лица делятся на коммерческие и некоммерческие. Однако оба вида подлежат регистрации в едином государственном реестре юридических лиц. К тому же коммерческое образование обязано иметь наименование, чего не было в Германском Гражданском уложении. Юридическое лицо ведет свою деятельность на основе устава или учредительного договора. Ликвидация организации происходит либо по

[1] *Макарова О.А.* Корпоративное право. М., 2005. С. 432.

[2] *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М., 1961. С. 223.

[3] *Аскназия С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2004. С. 98.

добровольному решению ее участников, либо решению суда — грубые и неоднократные нарушения законодательства при создании и осуществлении деятельности, работа без лицензии, нарушение некоммерческой организацией цели ее создания. На основе перечисленных фактов можно найти общее с корпорациями и организациями в Древнем Риме: имеют обособленное имущество, могут быть истцом и ответчиком в суде, несут гражданские права и обязанности. Но больше всего современное юридическое лицо имеет схожесть с юридическим лицом из Германского Гражданского уложения.

Таким образом, фактически начиная свое существования с Древнего Рима и по сей день, понятие юридического лица проделало огромный путь. Самое важное влияние на институт юридического лица безусловно оказало Германское Гражданское уложение. Важность этого законодательного акта не может ставиться под сомнение — уложение является обобщающей базой правовой мысли эпох, оно послужило основой не только большинства западноевропейских правовых систем, но и российской. Все эти изменения происходили после революций или после других значимых политических и экономических событий (перевороты, промышленные революции). И как показал анализ, существование юридического лица как субъекта гражданского права связано с целями революций, с устоями общества и уровнем развития экономических отношений.

Споры между приверженцами идеи фикции и органической теории продолжаются и сейчас. Исходя из этого, можно сказать, что данная тема является актуальной и по сей день. К тому же в нашем веке сложно предсказать масштабные политические изменения в виде революций. И неизвестно, что будет происходить с институтом дальше — ведь допускается возможность, что одна из теорий станет ведущей.

Источники и литература

Аскназия С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права, М., 2004.

Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961.

Гирке О. фон. Немецкое частное право // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/zombart/09.php.

Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. I, СПб., 1998.

Крашенинникова Н.А., Жидкова О.А. История государства и права зарубежных стран. М., 2014.

Макарова О.А. Корпоративное право. М., 2005.
Новицкий И.Б. Римское право. М., 2016.
Ревуненков В.Г. К истории споров о Великой французской революции. М., 1989.
Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. 3. М., 2014.
Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958.

А.С. Лещенко

Проблема универсальности прав человека

Одним из наиболее проблемных тезисов в концепции прав человека является понимание их как универсальных или относительных. Концепция прав человека, реализованная в современном мире, нашедшая своё выражение в создании и деятельности ООН, принятии триады актов международного характера (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах), образовавших в совокупности Международный билль о правах человека, а также Венской декларации и Программы действий, принятых на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г., исходит из понимания прав и свобод человека как универсальных, носящих бесспорный характер. Несогласие с содержательной универсальностью прав человека нашло своё отражение в концепциях постмодернизма, отвергающего универсализм прав человека, поскольку никаких универсальных ценностей не существуют, и культурного релятивизма, основывающегося на том, что права человека представляют собой западные ценности[1].

На практике это получило выражение во время проведения Всемирной конференции по правам человека в позициях стран «азиатского блока», возглавляемого Китаем, Сирией и Ираном, также включающего в себя Малайзию, Индонезию, Вьетнам, и Сингапур. Согласно их риторике, концептуальное содержание понятия прав и свобод человека определяется историческим путём развития государства, с учётом национальных особенностей и культурных традиций отдельных общностей. Попытки

[1] *Engle E.* Universal human rights: a generational history // Annual Survey of International and Comparative Law. 2006. No. 12. P. 219–268.

некоторых стран, имеющих общую точку зрения по данному вопросу, насадить своё видение прав и свобод человека есть ни что иное как форма политического давления (и культурного империализма по мнению некоторых других идеологов культурного релятивизма). Исламская республика Иран в свою очередь заявила, что ряд положений актов международного характера в области прав человека неприемлемы и неприменимы в силу их противоречия базовым положениям мусульманского права и традициям исламского общества. Так, например, определённые нарушения прав женщин, имеющие место быть в исламском мире, с точки зрения носителей «западного мышления», выражающиеся, в том числе, в невозможности замужней иранской женщины выехать заграницу без разрешения мужа или невозможности заниматься определенной деятельностью, если её муж считает, что она противоречит «семейным ценностям» [1], таковыми не являются с точки зрения мусульманского законодателя, поскольку равенство женщины и мужчины состоит в их человеческом достоинстве, а не в тождественном наборе их прав (формально-юридическом равенстве, привычном европейскому мышлению). Очевидно, это одна из причин, по которой Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. всё ещё не подписана и не ратифицирована Ираном.

Критика идеи универсальности прав и свобод человека исходит не только от представителей незападного мира: американский социолог и политолог С. Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций» утверждает, что в одним из источников конфликта между Западом и другими цивилизациями являются различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях. Полемизируя с В.С. Нейполом, считавшим, что западная цивилизация — универсальна и годится для всех народов, он утверждает, что на поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир, но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права

[1] Сайт неправительственной правозащитной организации «Human Rights Watch», обзор нарушений прав человека в Иране // https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/iran.

человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодёжью незападных стран. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» — это западная идея[1].

Схожие мысли существуют и в отечественной литературе: так, Е. А. Лукашёва утверждает, что идея универсальности прав — это «порождение европейской цивилизации, впитавшей древнегреческую философию, идеи эпох Просвещения, Реформации, четкое юридическое мышление, фундаментом которого стала уникальная система римского права[2]».

Оценивая аргументы представителей противников идеи универсальности прав человека в силу их культурных различий, нужно понимать, что природа человека как биосоциального существа в первую очередь определяется биологическими факторами, а не культурными, следовательно и права человека присущи всем нам в равной мере. В то же время следует признать, что отвергать конструктивную критику сторонников культурного релятивизма нельзя — это не просто глупо, но и опасно. Американский социальный психолог Джонатан Хайдт предупреждает: «Бойтесь всякого, кто убеждает вас в существовании только одной истинной морали для всех людей, времён и мест, особенно, если эта мораль зиждется на одном-единственном моральном основании[3]».

Как справедливо отметил С. Хантингтон: суть западной культуры — это Magna Carta, а не Magna Mc Donalds[4], однако при продвижении западной культуры в незападную часть мира нередко происходит её опошление, следствием чего является отторжение непонятых ценностей населением этих стран, в том числе и идеи универсальности прав человека как базовой

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

[2] *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. Москва, 2009. С. 40–41.

[3] *Мюллерсон Р.* Универсальность прав человека: так ли верен этот постулат? http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/universalnost-prav-cheloveka.

[4] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций.

демократической ценности. Так что попытки механического или, тем более, насильственного наложения универсальных идей и ценностей ни к чему хорошему не привели и привести не могут, при этом не имеет особого значения, под эгидой каких ценностей — либерально-демократических или мусульманских — это делается, мир уже знает один довольно жуткий безуспешный эксперимент перекроить мир по собственному образцу, построив светлое коммунистическое будущее.

Таким образом, единственный вариант развития событий, при котором удастся избежать «столкновения цивилизаций» — это их конструктивный диалог, развивающийся в русле отказа от механического универсализма в виде либеральных интервенций и поиска общих друг для друга черт, элементов сходства различных культур. В этой связи весьма интересна позиция Нгиа Хоанг, обосновывающей универсальность прав человека чувством собственного достоинства и его свободой, поскольку именно эти универсальные ценности, свойственные всем культурам, делают человека разумным и моральным существом[1].

Источники и литература

Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. Москва, 2009. С. 40–41.

Мюллерсон Р. Универсальность прав человека: так ли верен этот постулат? http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/universalnost-prav-cheloveka.

Сайт неправительственной правозащитной организации «Human Rights Watch», обзор нарушений прав человека в Иране // https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/iran.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Engle E. Universal human rights: a generational history // Annual Survey of International and Comparative Law. 2006. No. 12.

Hoang N. Human Dignity and Fundamental Freedoms — Global Values of Human Rights: A Response to Cultural Relativism // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1314288.

[1] *Hoang N.* Human Dignity and Fundamental Freedoms — Global Values of Human Rights: A Response to Cultural Relativism // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1314288.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НИУ ВШЭ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К.А. Арестова

Обонятельный товарный знак: доктрина vs. судебная практика

Обоняние, пожалуй, самое уникальное из шести чувств, которым обладает человек. Ведь только оно через лимбическую систему может непосредственно влиять на память и эмоции[1]. Именно поэтому в последние десятилетия можно наблюдать неугасающий спор между доктриной и судебной практикой о том, есть ли будущее у обонятельного товарного знака как инструмента идентификации продукции.

Прежде чем рассмотреть аргументацию, используемую учеными и судами, дадим определение обонятельному товарному знаку. Под обонятельным товарным знаком следует понимать нетрадиционный товарный знак, который представляет собой запах, не свойственный от природы данному товару, но способный отличить его от схожей продукции других производителей.

В доктрине обонятельные товарные знаки делятся в зависимости от выполняемой функции на три группы. К первой следует отнести первичные товарные знаки (primary scent marks), используемые для идентификации товаров, приобретаемых потребителями именно из-за их запаха. К примеру, это могут быть освежители воздуха для автомобиля или же духи. Однако, в судебной практике чаще всего отрицается возможность регистрации этих товарных знаков. Так в деле Channel No. 5, знаменитой парфюмерной компании было отказано в регистрации обонятельного товарного знака в Соединенном Королевстве. Суд аргументировал свою позицию тем, что сама идея духов как товара состоит в их запахе, и поэтому последний, выступая неотъемлемой характеристикой такой продукции, не может быть использован для отличия одного товара от другого. Кроме того, ссылаясь на выработанную американской судебной практикой доктрину

[1] *Hawes J.E.* Fragrances as trademarks. //Trademark Reporter, 1989. Vol. 79. No. 2. P. 134–135.

функциональности (American doctrine of functionality), суд подчеркнул, что «полезные особенности товара» должны оставаться необремененными исключительными правами конкретного производителя на них. Суд обратил внимание на необходимость такого подхода для поддержания конкуренции.[1]

Вторая группа обонятельных торговых марок получила называние вторичных товарных знаков (secondary scent marks). Эта группа обонятельных товарных знаков представлена обозначениями тех товаров, для которых запах не является их главной особенностью, но, тем не менее, может быть отнесен к необходимым характеристикам продукции. Примерами таких товаров может служить мыло или же моющие средства. Возможность регистрации вторичных товарных знаков ставится доктриной под сомнение. Так, лимонный запах, используемый в качестве торговой марки для контейнера с лимонным соком, не мог бы быть зарегистрирован в качестве обонятельного товарного знака, поскольку являлся бы описательным. С уверенностью можно утверждать, что и запах любого другого цитруса не смог бы стать в этом случае обонятельной торговой маркой, так как она была бы не только описательной, но и вводящей потребителей в заблуждение.[2]

Однако, это отнюдь не означает, что запах цитруса вообще не может быть использован предпринимателями в качестве товарных знаков. Примером тому служит запах лимона, зарегистрированный в 1996 г. в США для обозначения красящего порошка для лазерных принтеров. Такой обонятельный товарный знак был сочтен Бюро по патентам и торговым маркам допустимым из-за необычной связи запаха лимона и красящего порошка. Эта связь позволяет отнести такую торговую марку к третьей группе — уникальных обонятельных товарных знаков (unique scent marks), [3] которая и будет основным предметом исследования данной статьи. Эта группа характеризуется тем, что товарный знак никаким образом не влияет на сам товар, для обозначения которого он используется. Ценные свойства товара не

[1] *Erlandsson L.A.* The future of Scents as Trademarks in the European Community. Lund, 2004. P. 24.

[2] *Fleck L.M.* What Makes Sense in One Country May Not in Another: A Survey of Select Jurisdictions re Scent Mark Registration, and a Critique of Scents as Trade-marks. London, 2003. P. 15.

[3] *Bhagwan A., Kulkarni N., Ramanujam P.* Economic Rationale For Extending Protection To Smell Marks. Munich, 2007. P. 10.

усиливаются добавлением запаха, а сам запах играет роль именно средства индивидуализации продукции.[1]

Рассматривая уникальные обонятельные торговые марки с доктринальной позиции, следует отметить скептичное отношение многих ученых по поводу возможности существования обонятельных товарных знаков. Во-первых, восприятие обонятельных товарных знаков может оказаться крайне субъективным, поскольку обоняние человека не всегда позволяет связать конкретный запах с обозначенным им товаром.[2] Более того, восприятие запаха зависит от пола, возраста, окружающей среды, гормонального и общего состояния здоровья потребителя. [3] При всей убедительности приведенных доводов, сложно согласиться с этой точкой зрения. Психофизические исследования доказывают, что для сохранения запаха в долгосрочной памяти достаточно его однократного воздействия на рецепторы человека. При этом исследователи приводят показательную аналогию с вредной привычкой: воспринятый запах также тяжело забыть.[4] Также отмечается, что как только человек чувствует тот или иной запах, он сразу же вспоминает объект, обладающий этим ароматом. Поэтому обонятельные товарные знаки могут служить эффективным средством индивидуализации товаров.[5]

Во-вторых, с доктринальной точки зрения, непростой является проблема расположения обонятельного товарного знака: должен ли он быть на самом товаре или же все-таки на упаковке. Сторонники этой позиции подчеркивают, что в первом случае важно, чтобы потребитель имел доступ к товару и запаху торговой марки до приобретения такой продукции, поскольку только в этом случае аромат выполняет функцию средства индивидуализации (pre-sale source identification). В противном случае, когда потребитель ощущает запах только после покупки при личном использовании (post-sale source identification), функция обонятельного товарного знака как идентификатора

[1] *Snowden D.* The registration of colours and scents as trademarks. Intellectual Property Dissertation, 2002. P. 16.

[2] *Erlandsson L.A.* The future of Scents… P. 20

[3] *Vroon P.* Smell: The Secret Seducer / Transl. by A. van Amerongen & H. de Vries. New York, 1997. P. 75–81.

[4] *Engen T.* Odor Sensation and Memory. London, 1991. P. 76.

[5] *Hammersley F.M.* The Smell of Success: Trade Dress Protection For Scent Marks // Marquette Intellectual Property Law Review. 1998. Vol. 2. No. 1. P. 105.

товара утрачивает свой смысл.[1] Если рассматривать вторую из предложенных доктриной альтернатив, то можно задаться вопросом о том, будет ли запах идентифицировать сам товар или же его обертку.[2] Однако приведенную выше точку зрения следует признать неубедительной. Данный вопрос прямо разрешается в деле Qualitex Co.v. Jacobson Prods. Co.[3], в котором Верховный суд США обращает внимание на то, что обонятельный товарный знак может быть как непосредственно включен в сам продукт или закреплен на нем, так и прикреплен к продукту в виде ароматизированных карточек или же карточек, которые можно потереть и почувствовать запах (scratch-and-sniff card).[4]

Несмотря на высказанную в теоретических работах неуверенность насчет регистрации и существования обонятельных торговых марок, судебная практика во многом поддерживает эти нетрадиционные товарные знаки. Рассмотрим дело Re Celia Clarke, DBA Clarke's Osewez, [5] в котором была закреплена возможность регистрации запаха в качестве товарного знака в США. Комитет по рассмотрению споров и апелляций в связи с регистрацией товарных знаков не нашел оснований, чтобы отклонить заявку на регистрацию «устойчивого свежего, цветочного аромата, напоминающего цветение плюмерии» в качестве торговой марки для швейной нити и вышивальной пряжи. При этом Комитет предложил тест, которым следует руководствоваться регистрирующим органам при решении вопроса о возможности регистрации того или иного товарного знака. Данный тест состоит из следующих четырех характеристик:

1. Заявитель является единственным из производителей данного вида товаров, кто использует запах в отношении <u>такой этой?</u> продукции (то есть запах позволяет отличить товар заявителя от сходных товаров других производителей).

---

[1] *Ellias B.* Do Scents Signify Source: An Argument Against Trademark Protection for Fragrances // Trademark Reporter. Vol. 82. P. 475–476.

[2] *Филиппенкова Д.В.* Экспертиза обозначений, представляющих собой обонятельные и звуковые товарные знаки // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 11. С. 31.

[3] Qualitex Co.v. Jacobson Prods. Co. 514 U.S. 159, 173-74; 34 U.S.P.Q. 2d (BNA)1161, 1167(1995).

[4] *Bhagwan A., Kulkarni N., Ramanujam P.* Economic Rationale…. P. 10.

[5] Re Clarke [1990]. 17 USPQ 2d 1238, TTAB.

2. Запах не является присущим товару атрибутом или его естественной характеристикой.
3. Запах используется заявителем в рекламе и продвижении товара.
4. Потребители, дилеры и дистрибьюторы данного товара признают запах в качестве индикатора его происхождения (то есть ассоциируют товар с его производителем-заявителем посредством восприятия запаха)[1].

Небезынтересной представляется также судебная практика Великобритании. С принятием в 1994 г. Акта о Торговой марке было расширено понятие этого средства индивидуализации, вследствие чего в Королевстве стала возможной регистрация нетрадиционных знаков. В основе такого решения лежала идея восприятия человеком окружающей действительности всеми органами чувств, а не только зрением.[2] При этом следует отметить, что хотя обонятельный товарный знак прямо не предусмотрен в Акте, в судебной практике, появившейся после его принятия, можно найти примеры регистрации. Так, были зарегистрированы «цветочный аромат, напоминающий розу», для автомобильных покрышек, и «сильный запах горького пива» для дротиков в дартс.[3] Интересным представляется дело John Lewis of Hungerford Ltd.'s Trade Mark[4], в котором была предпринята попытка регистрации «запаха, аромата и эссенции корицы» для обозначения мебели. В регистрации обонятельного товарного знака хоть и было отказано, но была сформулирована важная правовая позиция: способность обонятельной торговой марки быть визуально воспринимаемой не может считаться обязательным условием для ее регистрации. В решении подчеркивается, что «от заявителей не требуется исполнения невозможного задания по визуальному представлению, из которого можно было бы напрямую понять невизуальную торговую марку». В решении также уточняется, что все-таки описание товарного знака должно отвечать «презентационному критерию», быть ясным и недвусмысленным. Тем не

[1] *Fleck L.M.* What Makes Sense… P. 15.

[2] *Bruton H.* The UK Trademarks Act 1994: An Invitation to an Olfactory Occasion // European Intellectual Property Review. 1995. Vol. 17. No. 8. P. 378–384.

[3] *Савицкая К.Д., Ламбина В.С.* Правовая охрана нетрадиционных товарных знаков // Вестник Полоцкого государственного университета. 2016. № 14. С. 166.

[4] John Lewis of Hungersford Ltds. Trade Mark Application [2001] RPC 575.

менее, в решении говорится именно о «презентационном критерии», а не об обязанности заявителя предложить графическое представление. На основе этого дела также был выработан тест для проверки соответствия регистрируемой обонятельной торговой марки:

1. Заявитель доказал, что запах может быть использован в качестве торговой марки.
2. Запах не является присущим товару атрибутом или его естественной характеристикой.
3. Общественность будет считать этот аромат знаком, идентифицирующим товар.
4. Соблюдение презентационного критерия[1].

Вопрос о способах графического представления обонятельного товарного знака актуален и для судебной практики Европейского союза. Рассмотрим дело Vennootschap Onder Firma Senta Aromatic Marketing's Application.[2] Так, несмотря на успешную регистрацию знака в странах Бенилюкса, заявителю было первоначально отказано в регистрации запаха «свежескошенной травы» для обозначения теннисных мячей в качестве обонятельной торговой марки в Евросоюзе. В основу такого решения легло мнение эксперта, посчитавшего вышеприведенное описание товарного знака недостаточным для соответствия требованию графического представления.[3] Тем не менее, апелляционная жалоба заявителя была удовлетворена, словесное описание было признано достаточным для графического представления товарного знака. При этом Апелляционная палата подчеркнула, что рассматриваемый запах обладает различительной способностью, благодаря которой каждый сможет его немедленно распознать на основе своего опыта.[4]

Не менее значимым примером регистрации обонятельной торговой марки стало дело Sieckmann v. Deutsches Patent und Markenamt.[5] В нем

---

[1] *Fleck L.M.* What Makes Sense… P. 8–10.

[2] Vennootschap Onder Firma Senta Aromatic Marketing's Application, [1999] E.T.M.R. 429 (OHIM (2d Bd. App.)

[3] *Мельников В.М.* Охраноспособны ли обонятельные и вкусовые товарные знаки? // Патенты и лицензии. 2006. № 4. С. 34.

[4] Case R 156/1998-2. Decision of the Second Board of Appeal of 11 February 1999.

[5] Sieckmann v. Deutsches Patent und Markenamt [2002]. Case C-273/00.

заявитель пытался зарегистрировать запах «сложного метилового эфира коричной кислоты» для рекламы, менеджмента и администрирования бизнеса, а также офисных функций. Для удовлетворения критерия графической презентации заявитель представил словесное описание, химическую формулу и образец запаха. Однако каждый из способов, а также их комбинация были признаны Европейским судом недостаточными по тем или иным причинам. Рассмотрим эти причины подробнее. Заявитель описал обонятельный товарный знак следующим образом: «фруктово-бальзамический запах с легким ароматом корицы». Данное словесное описание было сочтено чрезмерно субъективным. В свою очередь, химическая формула, как отметил Европейский суд, может оказаться для многих потребителей недостаточно понятной, вразумительной. Неудобна она и для эксперта, поскольку каждый раз, чтобы сравнить тот или иной аромат с обонятельным товарным знаком, ему придется заново производить субстанцию. Образец же запаха по своей природе не стабилен и недолговечен, а офисы по регистрации торговых марок не снабжены подходящим оборудованием для получения и хранения образцов. Комбинация способов приведет лишь к тому, что общий результат будет еще более неясным и неточным.[1] Тем не менее, Европейский суд обратил внимание на то, что регистрация обонятельных товарных знаков принципиально возможна, однако необходимо найти альтернативные способы для графического представления регистрируемого запаха.[2]

Теперь объектом нашего внимания станет правовое регулирование регистрации обонятельных товарных знаков в России. Гражданское законодательство разрешает регистрацию нетрадиционных товарных знаков, в том числе и обонятельных (ст. 1482 Гражданского Кодекса Российской Федерации). Для успешной регистрации такого товарного знака необходимо, чтобы он соответствовал следующим требованиям:

1) быть описанным ясно, полно и достаточно для объективного восприятия;

[1] Common Guidelines For The Substantive Examination Of Trademarks. The ASEAN Secretariat Jakarta. 2017. P. 33–34.

[2] Trademark Practice & Procedure. Drafted Manual. 1999. P. 74.

2) позволять избегать субъективности в процессе идентификации и восприятия такого товарного знака без потребности в любых образцах;
3) должен быть идентифицирован посредством словесного описания запаха и его точных и ясных характеристик, включающих описание состава композиции вещества, формулу химического соединения, характеризующую источник запаха.

Также словесное описание может включать иные сведения, которые, по мнению заявителя, позволят ему наиболее полно и объективно зафиксировать объем испрашиваемой в заявке правовой охраны обонятельного товарного знака.[1] Следовательно, перечень способов идентификации этого средства индивидуализации включает в себя как обязательные элементы, так и дополнительные, которые может использовать заявитель, чтобы подчеркнуть специфику регистрируемого обозначения.

Одним из неудачных примеров регистрации обонятельного товарного знака в России является заявка на регистрацию «запаха свеженарезанного чеснока» для товаров 3, 29, 30 и 32 классов. Роспатент отказал в регистрации этого обозначения, поскольку товарный знак указывал на состав и свойства части товаров, относящихся к 29 и 30 классу. Что же касается остальных товаров, то Роспатент обосновал невозможность регистрации рассматриваемого средства индивидуализации вероятным введением потребителя в заблуждение относительно вида и состава продукции.[2] Однако в 2012 году была предоставленная правовая охрана обонятельному товарному знаку, описанному как «кожаный аромат» в отношении 41 класса. Можно

[1] Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 N 482 (ред. от 10.10.2016) "Об утверждении правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак".

[2] *Савицкая К.Д., Ламбина В.С.* Правовая охрана нетрадиционных товарных знаков. С. 167.

предположить, что немаловажным фактором для регистрации этого товарного знака стал его комбинированный характер: наряду с запахом, в знак входили изобразительные, словесные, тактильные и сенсорные элементы. Тем не менее, наиболее значимо то, что впервые правовую охрану в качестве товарного знака получил именно запах, что стало первым шагом к регистрации аромата как самостоятельного обонятельного товарного знака.[1]

Подводя итог всему выше сказанному, можно сделать вывод о том, что в доктрине во многом негативно оценивается возможность регистрации и существования обонятельных товарных знаков. Причины скептичного отношения ученых к этому виду нетрадиционных товарных знаков заключаются в возможности субъективного восприятия потребителями запаха и вопросе о расположении товарного знака на товаре. Тем не менее, следует признать крайне полезным иностранный опыт регистрации обонятельных торговых марок. Американская, английская и европейская судебная практика, а также практика по регистрации обонятельных товарных знаков в административном порядке доказывают не только возможность самой регистрации таких средств индивидуализации, но и приводят четкие критерии, руководствуясь которыми предприниматель может зарегистрировать и использовать обонятельную торговую марку для индивидуализации своих товаров. В свою очередь, и отечественное гражданское законодательство допускает регистрацию этих нетрадиционных средств индивидуализации. Несмотря на возможные трудности, с которыми может столкнуться российский предприниматель при регистрации и использовании обонятельного товарного знака, это обозначение может стать популярным и эффективным средством индивидуализации товаров, что подтверждается уже зарегистрированным обонятельным товарным знаком.

Источники и литература

Мельников В.М. Охраноспособны ли обонятельные и вкусовые товарные знаки? // Патенты и лицензии. 2006. № 4.

Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 N 482 (ред. от 10.10.2016) «Об утверждении правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, требований к документам,

[1] Товарный знак №470375, заявка № 2011724200.

содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак».

Савицкая К.Д., Ламбина В.С. Правовая охрана нетрадиционных товарных знаков // Вестник Полоцкого государственного университета. 2016. № 14.

Товарный знак №470375, заявка № 2011724200.

Филиппенкова Д.В. Экспертиза обозначений, представляющих собой обонятельные и звуковые товарные знаки // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2016. № 11. С. 31.

Bhagwan A., Kulkarni N., Ramanujam P. Economic Rationale For Extending Protection To Smell Marks. Munich, 2007.

Bruton H. The UK Trademarks Act 1994: An Invitation to an Olfactory Occasion // European Intellectual Property Review. 1995. Vol. 17. No. 8. P. 378–384.

Case R 156/1998-2. Decision of the Second Board of Appeal of 11 February 1999.

Common Guidelines For The Substantive Examination Of Trademarks. (2017) The ASEAN Secretariat Jakarta. 2017.

Ellias B. Do Scents Signify Source: An Argument Against Trademark Protection for Fragrances // Trademark Reporter. Vol. 82.

Engen T. Odor Sensation and Memory. London, 1991.

Erlandsson L.A. The future of Scents as Trademarks in the European Community. Lund, 2004.

Fleck L.M. What Makes Sense in One Country May Not in Another: A Survey of Select Jurisdictions re Scent Mark Registration, and a Critique of Scents as Trade-marks. London, 2003.

Hawes J.E. Fragrances as trademarks. Trademark Reporter, 1989. Vol. 79. No. 2.

Snowden D. The registration of colours and scents as trademarks. Intellectual Property Dissertation, 2002.

Vroon P. Smell: The Secret Seducer / Transl. by A. van Amerongen & H. de Vries. New York, 1997.

Hammersley F.M. The Smell of Success: Trade Dress Protection For Scent Marks // Marquette Intellectual Property Law Review. 1998. Vol. 2. No. 1.

John Lewis of Hungersford Ltds. Trade Mark Application [2001] RPC 575.

Qualitex Co.v. Jacobson Prods. Co. 514 U.S. 159, 173-74; 34 U.S.P.Q. 2d (BNA)1161, 1167(1995).

Re Clarke [1990]. 17 USPQ 2d 1238, TTAB.

Sieckmann v. Deutsches Patent und Markenamt [2002]. Case C-273/00.

Trademark Practice & Procedure. Drafted Manual. 1999.

Vennootschap Onder Firma Senta Aromatic Marketing's Application, [1999] E.T.M.R. 429 (OHIM (2d Bd. App.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамовская Мария Сергеевна — студентка НИУ ВШЭ — Москва, msabramovskaya@edu.hse.ru.

Арестова Ксения Андреевна — студентка НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, kseare@yandex.ru.

Балашов Василий Дмитриевич — студент МГИМО МИД России (Москва), balashov120@yandex.ru.

Богданов Никита Евгеньевич — студент Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ, nik.bogdanow@icloud.com.

Горбатова Евгения Александровна — курсант Санкт-Петербургского университета МВД России, nnprn@yandex.ru.

Лемехов Сергей Витальевич — студент Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ, lemekhov.serzh@gmail.com.

Лещенко Александр Сергеевич — студент Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), alexmsal97@gmail.com.

Лысова Мария Владиславовна — студентка БФУ им. И. Канта, masha-1407@mail.ru.

Матисон Святослав Сергеевич — студент БФУ им. И. Канта, s_matison@mail.ru.

Махмутова Мария Валериановна — магистрантка Ульяновского государственного университета, marialaw_0808@mail.ru.

Москалев Георгий Александрович — студент Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ, moskalevfamile@mail.ru.

Никифоров Иван Андреевич — студент Санкт-Петербургского государственного университета, niki610123@gmail.com.

Резчикова Екатерина Вячеславовна — студентка МГИМО МИД России (Москва), ekaterina.rez@gmail.com.

Сафронов Артем Сергеевич — студент Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ, nik.bogdanow@icloud.com.

Сковинская Евгения — студентка НИУ ВШЭ — Москва, evgeniaskovinskaya@gmail.com.

Свиридова Александра Андреевна — курсант Санкт-Петербургского университета МВД России, sasha5viridova@yandex.ru.

Сорокина Зоя Александровна — студентка НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, amsterdama97@gmail.com.

Трифонов Алексей Григорьевич — студент НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, karrusspo@gmail.com.

Научное издание

Труды
юридического факультета

Том XIII

МАТЕРИАЛЫ
Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых
«ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ СЕРЬЕЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ (К 230-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)»
(Санкт-Петербург, 12 апреля 2019 г.)

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru
Заказ № 6326